

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ОГНЕДЕВА

ПЕРСТЕНЬ СОЛНЦЕВОЙ ДЕВЫ

Огнедева

Елизавета Дворецкая
Перстень Солнцевой Девы

«Автор»

2011

Дворецкая Е. А.

Перстень Солнцевой Девы / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2011 — (Огнедева)

ISBN 978-5-9910-1345-1

Красавица Велемила, младшая дочь ладожского воеводы, обещана в жены молодому удальцу Вольге – да только не по сердцу друг другу жених и невеста. Но ведь и ее сестра, Огнедева Дивляна, первая и единственная избранница Вольги, не по своей воле пошла за киевского князя. Для юной Велемилы нет никого милее чужестранца Стейна. Неужели судьбе угодно разлучить влюбленных?

ISBN 978-5-9910-1345-1

© Дворецкая Е. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Елизавета Дворецкая Огнедева. Перст судьбы

© Е. Дворецкая, 2012

© DepositPhotos.com / Lev Dolgachov, обложка, 2012

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

От автора

Вот мы и добрались до третьего тома цикла «Огнедева». Однако если вы не читали первые два – не страшно. Действие третьей части, происходящее в Ладоге в 893 году, начинается свою собственную историю: от уехавшей в Киев Дивляны до родичей лишь изредка доходят вести, зато младшая из дочерей воеводы Домагостя, Велеська, подросла и стала невестой. Правда, не того жениха, который мог бы сделать ее счастливой, но она ведь не из тех, кто опускает руки и не борется за свое счастье...

Однако в предисловии я хотела поговорить с вами не о сюжете романа, а о том, что послужило его исторической основой. Именно в книге «Огнедева. Перст судьбы» описано знаменательнейшее событие нашей ранней истории – появление в северной Руси, как ее спустя какое-то время начнут называть, ее первого варяжского князя – Рюрика.

Как это? Позвольте! Действие происходит в 893 году, в то время как во всех учебниках и пособиях приводятся летописные данные: призвание варягов произошло в 862 году, на тридцать лет раньше! К 893 году Рюрик успел уже родить сына Игоря, умереть, а его преемник Олег уже отправился завоевывать Киев с этим самым младенцем-наследником на руках!

На основе летописных легенд написано достаточно много романов, и увеличивать их число не вижу смысла. А вот разобраться, насколько эти легенды соответствуют или могут соответствовать исторической действительности, очень даже имеет смысл. К счастью, в наше время археология уже пролила свет на многие темные места истории, и писатель имеет в своем распоряжении и другие источники, помимо летописи.

Так что же нам скажет археология о Рюрике? Во-первых, ранняя история Ладоги делится на несколько периодов (об этом я уже писала в предисловии к первому роману цикла, «Огнедева»). До этого, в 840—860-х годах, Ладогой правили норманны, что нашло отражение в археологических материалах: возводились дома северной каркасно-столбовой конструкции, среди находок имеются такие вещи, как палочки с руническими надписями, подвески типа «молоточки Тора» и так далее – в том числе, что любопытно, деревянные игрушечные мечи, копирующие форму настоящих боевых «каролингов» – мечей, которыми сражались викинги. Но в середине 860-х годов поселение подвергается очередному разгрому, после чего заселяется представителями разных этнокультурных коллективов, в том числе и скандинавами, и становится наиболее похоже на северный викинг (кстати, вики были свободными торгово-ремесленными поселениями и не являлись местом проживания какого-либо короля). Слои 870—890-х годов маловыразительны, на 880—890-е годы приходится наименьшее число серебряных монет, что указывает на затухание торговых связей. И только в 890-х годах начинается новый подъем, и в 894 году, судя по дендродатам, строится здание, которое можно принять за дворец нового ладожского правителя.

Но почему летописец отнес появление Рюрика к 862 году? Это можно объяснить. Летопись создавалась во времена Ярослава Мудрого, то есть в первой половине XI века (и первая версия была завершена к 1039 году). Летописцу пришлось обращаться к событиям почти полутора вековой (для него) давности, а опереться он мог в основном на народные предания, которые, разумеется, никаких точных дат не фиксируют¹. Летописец рассуждал так: князь Игорь, как ему было известно, являлся современником византийского императора Романа I Лакапина, а следовательно, и закончить свою карьеру они должны были одновременно. Император сошел

---

¹ Любопытный факт: проводились специальные исследования, которые установили, что память о событии передается в народе более-менее достоверно в течение примерно 150 лет. Далее начинаются большие искажения. Например, в Ленинградской области по поводу двух крупных сопек местные жители говорят, что «здесь похоронены китайцы, убитые на войне». Когда это Ленинградская область воевала с Китаем? Вот и судите, насколько можно верить летописным преданиям, авторы которых, в отличие от нас, не могли опираться на книги, газеты и прочие источники.

с политической сцены (хотя и не умер) около 945 года, и летописец отнес предание о смерти Игоря к этому же году. (То, что он при этом пользовался датами от сотворения мира, в ходе рассуждения ничего не меняет. Также в скобках заметим, что в тех же византийских источниках Игорь и в 949 году упоминается как живой.)

Далее, он рассудил так: по средневековым представлениям, человеческий век составляет 33 года, и если из 945 вычесть 33, получится 912, – и сделал 912 год датой вокняжения Игоря и смерти его предшественника Олега. Далее он повторил операцию, вычтя 33 из 912, – и получил 879, дату прихода к власти Олега и смерти Рюрика. И разве вас не настораживает удивительное совпадение: и Олег (879–912), и Игорь (912–945) правили в точности одинаковый срок, причем этот срок соответствует былинной цифре «тридцать лет и три года»? Но Рюрик же явился на Русь уже зрелым мужем и главой своего рода. Стало быть, отводить ему полный век, 33 года, будет многовато – и летописец эту цифру разделил пополам и вычел из 879 не 33, а только 17. И получился у него 862 год, который и стал таким образом «началом русской государственности». Но если мы ему поверим, то выйдет, что года через три после прихода Рюрика местные жители подняли восстание, сожгли поселение и опять начали жизнь заново. И вообразить, на какой стороне конфликта находился «всенародно избранный князь», я не возьмусь... Нет, он не переехал в Новгород, потому что Новгорода тогда еще не было: его самые старые бревна были срублены в 930—950-х годах, чуть ли не век спустя!

Но если мы поверим археологам и перенесем «призвание варягов» на тридцать лет позже 862 года, то упрямся в еще один кошмар для приверженцев традиционных версий – «наш» Рюрик не может быть Рериком Ютландским, потому что тот к 890-м годам уже умер (точнее, к 882 году). Да, не может. А зачем нам тот самый Рерик Ютландский? Разве что за неимением другого кандидата, но, право же, в древности жило гораздо больше людей, чем упомянуто в разных летописях и хрониках. Давайте посмотрим, сколько времени между 862 годом и своей смертью Рерик Ютландский мог провести на Руси. В 867 году упоминается об его изгнании из Фризии. В 870 и 872 годах он встречался с королем Карлом Лысым, в 873-м восстановил вассальные отношения с Людовиком Немецким. Что-то непохоже, чтобы он считал Русь своей новой родиной и все силы посвящал ее государственному строительству. А главное, как указывалось выше, именно в данный период на севере будущего Древнерусского государства ну совсем ничего не происходило. Война, пожар – а потом застой лет на двадцать пять... Где следы деятельности, благодаря которой его запомнили и внесли в легенды?

К тому же, как уже указывалось, Рюрик был далеко не первым скандинавским конунгом, который правил или пытался править в северной Руси. Почему же предание запомнило именно его, а не предшественников? Видимо, он не только собирал дань, но и принес народу какую-то пользу и подтолкнул развитие процесса, который стал частью государственного строительства. Конечно, я не ясновидящая и не утверждаю, что именно моя версия правильная. Даже археологи во многих случаях не могут утверждать определенно, не имея достаточных данных. Я лишь рассказываю, на что я опираюсь в своих выводах и почему меня не устраивает привычная схема событий.

Так кто же он был, «наш» Рюрик, который не Ютландский? И что такого он успел сделать? Я себе это представляю примерно так. Однажды, осенним вечером 893 года, когда в Ладоге выпал первый снег...

Глава 1

893 год, поздняя осень, Ладога

Стейн сын Бергфинна приехал в Альдейгью в самом начале зимы. И сразу получил весьма неожиданное предложение.

– Пойдешь с нами кур воровать?

– Воровать кур? – Стейн уже довольно хорошо знал словенский язык и все же подумал, что не расслышал или чего-то не понял.

К тому же он никак не ожидал, что воровать домашнюю птицу его позовет дочь местного хёвдинга. Уж ей-то зачем – своих кур полно. Вон они, под всеми лавками сидят, высунув головки. Домагость Витонежич, ладожский воевода, всегда был не беден, а в последние несколько лет, судя по обстановке дома, и вовсе разжился – появились у него и тканые ковры на бревенчатых стенах, где раньше висели только мохнатые медвежины, и кубки из белесого и зеленоватого мутного стекла на столе. Прежние глиняные сосуды, вылепленные женщинами хозяйской семьи, сменились бронзовыми кувшинами, а в кувшинах заплескался не мед и не пиво, а настоящее греческое вино! Меха здесь никогда редкостью не были, но отделка узорного шелка и серебряные пуговицы на рубахе воеводы, пестрые стеклянные бусы на шее у дочери и жены говорили о том, что хозяин имеет выход к богатым торгам востока и юга. Еще полтора года назад, когда Стейн со своим дядей по матери, Вестмаром Лисом, приезжал сюда в последний раз, ничего этого не было.

– Ну да. Кур. Можно и петухов, но только где он не один. Я знаю, где можно брать, не промахнемся, – смеясь, заверила Велемила и потом наконец пояснила: – Это у нас обычай такой. Сварожий день сегодня², вечером пировать будем, а для пира полагается кур не покупать и не приносить, а красть! Понял теперь?

– Теперь понял! – Стейн усмехнулся, подумав, что и сейчас его ухитряются сделать таким же дураком с дальнего хутора, каким он был, когда три с половиной года назад впервые в жизни явился в Альдейгью. – Знамое дело, пойду! Это подвиг для истинного викинга!

– Как она выросла, твоя младшая дочь! – одобрительно заметил Вестмар хозяйину. – Совсем невеста. У нее, наверное, есть жених?

– Вроде как есть... – ответил Домагость, но отвел глаза, и Вестмар догадался, что воевода не очень хочет об этом говорить.

Появилась Яромила, поставила на стол деревянное блюдо с теплыми пирогами, покрытыми вышитым рушником, приветливо улыбнулась гостю, сказала что-то – он не расслышал, любуясь ее точеным лицом. Все-таки старшая дочь у хозяина редкая красавица – смотришь, и кажется, что в полутьме от нее исходит сияние. У Яромилы уже был ребенок, но она по-прежнему жила дома, только волосы теперь заплетала в две косы и укладывала вокруг головы. На ее сына, белоголового мальчика двух с чем-то лет, Вестмар бросил пару любопытных взглядов, пока мать не унесла его, но спрашивать ни о чем не стал, боясь обидеть воеводу.

---

² Сварожий день – праздник в честь Сварога, 1 ноября.

– Я вижу, Домагость, в последнее время боги более чем благосклонны к тебе! – Вестмар невольно проводил Яромилу глазами. – В твоём доме прибавилось много дорогой утвари, и людей стало больше. Видимо, быть родичем конунга Кенугарда – Киу...ява... Куая...вия... тролль, не помню, как его называют эти серкландцы! Киаба?

– Кияв! – смеясь, поправил Домагость. – Или Киев. Да, с той свадьбы дела у нас в гору пошли. Уже три года меха, мёды, воск по Днепру вниз отправляем в Киев, а там на разные товары меняем: платье цветное, серебро, посуду, всякое узорочье. Вино вот! – Домагость качнул бокалом из светло-зеленого стекла. Напиток был, на вкус воеводы, гораздо кислее и вообще хуже привычной медовухи, зато, если пить умеренно, наутро не так болит голова. – А в этот раз Велем, сын мой, сам поехал с товарами аж до Корсуни.

– Это где? – Вестмар с любопытством прищурился.

– Это по Днепру вниз, до Греческого моря, и по морю ещё идти... не помню сколько, сам-то не бывал. Но тот Корсунь – город уже греческий. Думаем, там за наши меха ещё больше всякого добра выручить можно. По весне сынок уехал. Хотел назад в одно лето обернуться, но сказал: особо не ждите, если до Сварожьей седмицы не буду – стало быть, теперь до весны...

Пока старшие были заняты деловым разговором, Велемила взяла с лавки кожух и помашила Стейна за собой. С самого утра предвкушение вечернего веселья наполняло ее воодушевлением, поэтому она особенно обрадовалась появлению новых лиц – такому неожиданному в эту пору года. Стейн в разговоре старших участия почти не принимал, только улыбался, слегка прищуривая глаза, но если его спрашивали, отвечал толково. По всему было видно, что это человек неглупый, добродушный и не заносится из-за того, что в такие молодые годы – лет в восемнадцать-девятнадцать – успел не раз пройти по Волжскому пути до самой Булгарии. Велемила смутно помнила его по прежним годам – он уже не раз появлялся в Ладого, сопровождая дядю, но сама она была раньше слишком мала, и едва ли они тогда сказали друг другу хоть слово. Иное дело сейчас! Во внешности Стейна ничего особенного не было: среднего роста, крепкий по виду, а лицом обычный свей – короткий прямой нос, высокий и широкий прямоугольный лоб, высокие скулы, из-за которых глубоко посаженные серые глаза кажутся узкими, светлые волосы с легким отливом в рыжину и такая же золотистая щетинка на твердом угловатом подбородке. И шапочка, вязанная костяной иглой из толстой шерстяной пряжи, очень ему шла – такие шапочки носят многие свейские мореходы.

Бегло оглянувшись на дядю и убедившись, что тому не до него, Стейн пошел за девушкой. Снаружи начало темнеть. С неба сыпались мелкие, твердые снежинки – по-словенски это называется «пороша», кстати вспомнил Стейн. Или позимка... поземка? Он хотел спросить об этом у Велемилы, но не решился – опять смеяться начнет. В присутствии такой красивой девушки любой постарался бы не выглядеть простофилей. Стейн уже видел ее раньше, но сегодня не сразу узнал. В прежние годы третья воеводская дочь была совсем девчонка, и мало кто ее замечал – все смотрели на старших сестер, Яромилу и Дивомилу, похожих друг на друга стройных красавиц с нежными лицами и пышными волосами цвета чистейшего золотистого мёда. Дивомила с тех пор вышла замуж, да не за кого-нибудь, а за конунга Кенугарда – Аскольда, и уехала далеко, чуть ли не к Греческому морю. Зато Велемила за эти годы вытянулась и стала готовой невестой. Для своих пятнадцати лет это была рослая, сильная девушка. В целом она удалась в брата Велема: не только ростом и крепким сложением, но и лицом была похожа на него, как ни одна из сестер. Такие же крупные черты, только смягченные по-женски, серые глаза, и волосы того же оттенка: темно-русые с рыжеватым отливом, густые и гладкие – толстая коса свешивалась чуть ли не до колен. Красотой Велемила уступала двум старшим сестрам, но вид имела смысленный, оживленный и веселый, к тому же держалась так бойко и уверенно, что сравнивать их никому в голову не приходило.

– Ты меня совсем не помнишь? – спросил Стейн, когда они вышли.

– Отчего же, помню! – Велемила снова засмеялась. – Я помню, как вы приехали перед тем, как Игволод Кабан Вал-город разорил. Вас с Вестмаром было двое – ты и еще другой парень. Один, я помню, был в валяной шапке, другой в вязаной. – Она бросила лукавый взгляд на вязаную шапочку на голове у Стейна. – Кажется, теперь я знаю, который из них был ты!

– А вот и нет! – со смесью грусти и лукавства опроверг ее догадки он. – Это шапка моего брата Свейна. Он погиб в той битве, когда Иггвальд пришел с дружиной сюда из Валаборга. И я взял ее себе на память. С тех пор и ношу.

Велемила вздохнула:

– Да примет его с честью Перун! У меня тоже тогда брат погиб, Братоня, и из сродья еще три человека. А у тебя больше нет братьев?

– Есть еще один, он остался дома с родителями. Он, Сигурд, из нас троих самый старший. Мы выросли вместе и все время устраивали какие-нибудь безобразия. Вестмар может подтвердить. Ты понимаешь северный язык?

– Сва эр вист!³ – Велемила лукаво сверкнула глазами, дескать, а как же! – Здорово, Пестравка! – тут же по-словенски окликнула она девушку, попавшуюся им навстречу. – Что нового?

– Здравствуй, баяльница! – Девушка поклонилась. – К Смолянам иду.

– Я только к Братомеричам заскочу. Не опаздывайте там, а то я Смолянку знаю – век будет косу плести да оборы перевязывать.

Они пошли дальше, и Стейн продолжал, перейдя на родной язык:

– Я помню, однажды дядя Вестмар приехал к нам в гости, мне тогда было лет восемь, Свейну, стало быть, девять, а Сигге одиннадцать. Мать ему жаловалась, что не может с нами справиться и что мы загоним ее в могилу раньше времени. Вестмар начал спрашивать: «Сигурд, что ты сделал такого, из-за чего твоя мать огорчена?» Тот отвечает: «Я ничего не сделал, только бросил в воду камень». Вестмар говорит, что это, мол, беда небольшая, и спрашивает у Свейна: «А ты что сделал?» Свейн отвечает: «Я только бросил в воду камень». Вестмар спрашивает у меня: «А ты что сделал – тоже всего лишь бросил в воду камень?» А я отвечаю: «Да нет, это я и есть Камень!»⁴

Велемила расхохоталась, да так заразительно, что Стейн невольно засмеялся вместе с ней, хотя рассказывал эту маленькую сагу уже десятки раз. Потом добавил:

– А теперь у Свейна есть свой камень. Родители заказали резчику поминальный камень, чтобы поставить у себя в усадьбе. Там будет написано: «Бергфинн, Асхильд и Сигурд, их сын, поставили этот камень по Свейну, другому их сыну. Он погиб в Альдейгье на Восточном пути». Они хотят, чтобы он стоял возле Трюггвардова кургана. Трюггвард – это знатный хёвдинг, предок нашей матери. Он заправлял всей округой, а когда умер, то стал иногда выходить из могилы и разделяться с теми, кто ему чем-то не угодил. Но это даже хорошо, потому что своих родителей он никогда не трогал, и много хороших пастбищ освободилось. Наша мать каждый Торов день⁵ обязательно носит ему еду и кладет в особое отверстие в склоне кургана. Никогда ведь не знаешь, что способен выкинуть мертвец, и лучше его не злить, правда?

– Правда, – согласилась Велемила, но тут им попала еще одна девушка: она стояла у дороги, будто пропуская их. – Здравствуй, Вересеня, что слышно нового?

– Здравствуй, баяльница. Да у нас говорят, что к вам варяги приехали сверху. – Девушка взглянула на Стейна.

– Да, Вестмар Лис с дружиной. Приходите завтра, про дальние страны расскажут.

– Да уж мы придем! – Девушка бросила на Стейна настолько завлекательный взгляд, что он даже смутился, и пошла своей дорогой.

---

³ Конечно.

⁴ Старинный шведский анекдот. Имя Стейн означает «камень».

⁵ День Тора – четверг, название сохраняется и в современных скандинавских языках.

– Ты потом нашим про это Расскажи, про вашего прыткого покойника, – попросила Велемила.

– Хорошо! – Стейн засмеялся, вообразив, как вытянулось бы грозное лицо Трюгварда хёвдинга, узнай он, что какая-то девчонка в Гардах назовет его прытким покойником!

– Сейчас самое время рассказывать про мертвецов. Нынешней ночью Дажьбог власть Марене передает. Она выходит в Явь, и до самого рассвета ворота из Закрадного мира будут раскрыты. Это очень страшно и очень весело. Сам увидишь.

– А ты любопытная – всех о новостях спрашиваешь. – Стейн улыбнулся.

– Да нет же! – Велемила опять расхохоталась, даже остановилась и наклонилась вперед, так что ее коса коснулась земли, припорошенной снежной крупой. – Это не я любопытная. А просто они не могут первыми со мной заговорить, вот я и спрашиваю, нет ли чего нового, чтобы они могли сказать или спросить, если им нужно.

– Они не имеют права заговаривать с тобой? – Стейн тоже остановился и в изумлении поднял брови. – Почему?

– Потому что я – Дева Альдога. Это... как тебе объяснить... Я все равно что богиня Леля на земле. И еще я баяльница, то есть старшая над всеми остальными девушками, они меня слушаются, что я скажу, то и делают. Я хёвдинг среди девушек, понимаешь?

– Примерно понимаю. Это потому что ты такого знатного рода?

– Потому что я из старшего рода, из Любошичей. Мои предки здесь уже очень давно живут, дольше всех. Там. – Велемила показала за Волхов, где на другом берегу, неразличимый отсюда, вдавался в воду высокий, заросший кустами мыс. – Там наш город стоял. Я тебе потом расскажу про них.

– Это, надо думать, большая честь.

– Еще какая. Но если беда нагрянет... если Волхов пойдет назад, меня в жертву принесут.

– О! – Стейн переменялся в лице. – У вас так делают? У вас приносят в жертву людей?

– А у вас, можно подумать, нет.

– Я о таком никогда не слышал. Ну, может быть, очень давно...

– И у нас давно не было.

– Постой, а я тоже не имею права заговаривать с тобой первым? – Стейн нахмурился, опасаясь, что по неведению совершил промах, способный оскорбить местных жителей.

– Тебе можно, ты ведь не девушка! – Велемила улыбнулась и даже прикоснулась к его руке. – У наших парней тоже есть старший – баяльник, это Селяня, Селинег Хотонегов сын, мой двоюродный брат. После Марениного дня парни в лес на зимнюю охоту уйдут – вот там его власть начнется. Там никто слова против него сказать не смеет, а не то выгонит прямо на мороз. Иначе нельзя – до весны ведь парням в избе сидеть, по вечерам только и занятия, что вьюгу слушать. Без крепкой руки такое начнется... А мое дело девичье – только круги первой завожу. А еще я замуж долго не выйду, – немного помолчав, с грустью добавила она. – Потому что вместо меня больше Девой Альдогой быть некому. Моя сестра Яромила раньше была, ее сменила я. А моложе меня сестер Любошинского рода нет. Лыдса и Олова этой зимой замуж пойдут, уж сговорены, а Синельке всего девять лет. И вот пока она не повзрослеет, я еще три года ее дожидаться буду.

– Не повезло тебе. – Стейн участливо кивнул, втайне почему-то радуясь, что скорое замужество ее не ожидает.

Хотя ему-то что? Он-то на что может здесь рассчитывать? Стейн сам удивился своим мыслям – ему и в голову бы не пришло свататься к дочери хёвдинга Домагостя, и только сейчас, когда об этом зашла речь, он осознал, что Велемила ему очень нравится. С ней было легко разговаривать, и даже просто идти рядом по вику Альдейгье, серому и неприятному в сумерках начала зимы, было необычайно приятно – будто он не кур идет воровать, а получать большую награду на пиру у конунга в его, Стейна, честь!

Куры, летом свободно гулявшие и рывшиеся в пыли у стен и клевавшие червяков в огородах, с наступлением холодов переселились в избы, откуда взять их, из-под бдительного присмотра хозяев, было нелегко. Сначала они зашли в несколько изб Братомеровой связки. Велемила рассказала, что здесь живут их сродники, потомки стрья-деда Братомера, который стрьем приходился Домагостю, а его детям, соответственно, двоюродным дедом. Как заметил Стейн, этот Братомер был весьма плодовит, потому что в пяти или шести земляных избах⁶ копошилось на лавках, полатах и даже в просторных сенях человек пятьдесят обоего пола и всякого возраста. Здешним курам со стороны Велемилы ничего не грозило, зато она вышла оттуда в сопровождении шести или семи девушек, возрастом лет от двенадцати до семнадцати. За пустырем их ждала еще одна стайка, и «войско» пополнилось пятью юными валькириями. Велемила называла имена, но Стейн сразу же их забывал, да и лиц в густой полутьме не мог толком разглядеть. Он заметил только, что все девушки кланяются дочери Домагостя и отвечают на приветствие только после того, как она первой заговорит с ними, а на ходу держатся позади, как хирдманы за конунгом.

И если девушкам тоже полагается свой конунг, то лучше Велемилы было не найти. Рослая, крепкая, уверенная, она так быстро болтала с окружившими ее подругами, что Стейн половины не понимал. А они, кажется, сговаривались, кто где будет искать добычи. Велемила раздавала указания, и девушки, разбившись по три-четыре, разбежались в разные стороны. Слышался приглушенный смех, оживленная болтовня. Красавицы постарше многозначительно переглядывались, думая о своем; молоденькие, лет двенадцати-тринадцати, только на днях, в начале идущей Макошиной недели принятые в «стаю» взрослых девушек, чуть ли не прыгали от возбуждения, видя в происходящем новую увлекательную и притом очень важную игру!

– А мы к Творинегу пойдем! – сказала Велемила, когда все разбежались и возле нее остались только три девушки да еще молодой варяжский гость.

До Творинега идти оказалось не близко. Как отметил Стейн, Ладога подросла за последние несколько лет: бревенчатых домов, закопанных в землю на глубину в локоть или два, стало больше, а заросших кустами и осиной пустырей – меньше. Сейчас народ попрятался под крыши, но из всех окошек тянулся серый дым, знаменуя жилое место.

Уже совсем стемнело, и если бы не луна, то идти куда-либо было бы просто невозможно. К счастью, снегопад прекратился, в разрывы облаков выглядывал откормленный растущий месяц, как бычок рогатый, нагулявший бока на пышных облачных пастбищах. Его бело-желтый свет золотил тонкий слой снега, неровно лежащий на земле, и оттого казалось светлее, по крайней мере было видно ямы и кочки под ногами. Тропинка петляла между избами, дымы тянулись из щелочек заволок. За стеной голых деревьев на склоне крутого берега дремал могучий Волхов, уже готовый застыть и погрузиться в сон до самой весны. Сейчас передвигаться по нему еще можно, а как ляжет на воду снежная каша, начнет прихватывать – ни на лодье плыть, ни на санях ехать, жди потом, пока лед окрепнет. Самые топкие места между избами были замощены гатями из бревнышек и разного древесного мусора, но и там, где их не было, размешанная осенняя грязь наконец замерзла. Ступать по твердым, как камень, да еще и скользким колдобинам было больно даже в зимних черевьях на толстой кожаной подошве с войлочной подкладкой; девушки иногда спотыкались, скользили, повизгивали, хватались, чтобы не упасть, друг за друга и за Стейна. А он шел, испытывая все возрастающее блаженство: хотя бы просто побыть в обществе свободных и веселых девушек ему не случалось уже очень давно. Вик Альдейгья был одним из немногих мест в его жизни, где он чувствовал себя если не дома, то и не в дороге, и мог наслаждаться покоем и всеми благами мирного существования на одном

⁶ Земляная изба – землянка.

месте. В течение зимы люди Вестмара по договору считались здесь «своими», пусть за это право и было заплачено серебром.

Творинег, старейшина одного из самых старых и многочисленных ладожских родов, обитал на дальнем краю длинного, растянутого вдоль берега вика, откуда уже был виден Дивинец. Стейн в изумлении застыл – он и забыл, насколько огромен этот курган. В зимних сумерках, слегка припорошенный снегом, он выглядел особенно грозно и впечатляюще, его вершина была видна даже среди выросших вокруг деревьев. Стейн слышал, будто там погребен какой-то из древних северных вождей, обитавший в Ладогe; именно сейчас казалось, что покойный знатный обитатель прислушивается сквозь земляную крышу к шевелению жизни снаружи и подумывает выйти... Да, в начале зимы кажется, что мертвецам неуютно под землей, потому в это время и приносят жертвы покойным, стараются усмирить их и убаюкать до весны.

Он хотел спросить у Велемилы о кургане, но тут из дверей ближайшей земляной избы вместе с клубами сизого дыма выбралась рослая старуха в платке из грубой серой шерсти, поверх повоя завязанном сзади, и девушка заторопилась к ней.

– Здорова будь, бабушка Белогориха! – Велемила бойко поклонилась, махнула концом косы по снегу. – Все ли у вас хорошо, все ли ладно?

– И ты будь здорова, Домагостевна! – с неудовольствием, неприветливо буркнула старуха, пальцем запихивая седую прядь волос под платок и повой. – Чего бродите тут, как мороки? По домам сидели бы, беспуты!

– Ой, бабушка Белогориха! – Велемила отчаянно всплеснула руками, бесстрашно подавалась к неприветливой старухе ближе и оживленно затараторила, округлив глаза словно в изумлении. – Ну как тут будешь дома сидеть, когда такое творится? Сижу я, смотрю, брат мой дурак, затеял в решете пиво варить! Я ему говорю: возьми, дурень, котел, больше пива наваришь! А другой брат, дурак, в исподку пиво сливает! Я ему говорю: возьми, дурень, бочку, больше пива наливаешь! Бегу к вуйке Велераде на тех двух дураков пожаловаться, смотрю, а муж ее Вологор толкачом сено косит! Я ему говорю: возьми, дурень, косу, больше сена накосишь! Гляжу, сын его дурак, на свинье то сено возит! Я ему говорю: впряги, дурень, лошадь – больше сена навозишь!

– Вот пришла стрекотать! – Бабка стала от нее отмахиваться, как от большущего надоедливого слепня. – Чего тебе тут! Поди, поди!

Но Велемила, будто не слыша, продолжала наступать, прямо в лицо ей вываливая «новости»:

– А другой сын его, дурень, шилом вздумал сено подавать! Я ему говорю: возьми, дурень, вилы, больше сена подашь! Гляжу, стрый мой, дурень, вздумал «кобылкой»⁷ пашню пахать! Я ему говорю: возьми, дурень, соху, больше пашни напашешь!

– Поди прочь! Поди! Ух, уморила, умаяла! Не девка, а Встрешник!

Отмахиваясь, бабка пятилась от наступающей Велемилы, пока не уперлась задом в дверь клетки и почти провалилась туда, ища спасения от неумолкающей гостьи. Едва она исчезла, Велемила метнулась назад, кивнула спутницам, схватила Стейна за руку и потянула к двери избы.

– Да будет благо тому, кто в доме сем! – провозгласила она, заходя.

Стейн, озабоченный тем, чтобы не споткнуться на ступеньках, не сразу разглядел в темноте, где кто и вообще сколько тут народу. А народу хватало: плотный лысый старик, большеголовый, бородатый, сидел у стола, вокруг на лавках размещались еще человек семь – молодые мужчины, отроки, мальчишки, две маленькие девочки. Хозяйка, помоложе той старухи, возилась у печи.

---

⁷ «Кобылка» – куриная грудная кость.

– Здравствуй, Домагостевна! – Старик кивнул. – С чем пожаловала? Кого привела? Вроде не знаем мы такого!

– Добра молодца я к вам привела, из стран чужедальных, из-за широких полей, дремучих лесов! Как на сию пору на времечко не буйны ветры завяли – знатны гости понаехали! Уж мы-то вежливы были – встречали гостей дорогих посреди двора широкого, за белы руки брали, за перстни золотые, вели в нову палату, сажали за столы дубовые, за скатерти шиты-браные! Угостивши, стали расспрашивать: ой вы гости наши богатые, где бывали, что видали, как у вас за морем житье-бытье? Вы скажите нам всю правду-истину, скажите нам все вести заморские: кто у вас за морем больший? Кто у вас за морем меньший? Отвечают нам гости заморские: да у нас за морем все птицы большие, да у нас за морем все птицы меньшие! Орел на море – князь, перепел на море – воевода, петух на море – старейшина. Сова на море – ворожея, ворон на море – кощунник, лебедушка на море – княгиня, с ножки на ножку ступает, высоки брови поднимает!

Велемила говорила без остановки, не отпуская внимания слушателей: дети свесили головки с полатей, мужчины усмехались, даже баба у печи заслушалась, держа ложку, с которой капало на земляной пол. Стейн не понимал половины из ее скороговорки, но видел, что и прочие, не очень-то улавливая смысл, внимают плавному и быстрому, как река, течению рассказа. Девушка искусно играла голосом, поводила руками, изображала всем телом то ворону, то лебедушку, то орла-князя; руки, плечи, голова, даже коса помогали ей, становясь то крыльями, то воеводским мечом. Действо, которое Велемила одна разыгрывала, совершенно заволокло десяток слушателей, не исключая и Стейна.

– Сокол у нас за морем боец удалой, на всякую птицу налетает, грудью ее побивает; сорока у нас за морем – щеголиха, без пряника не садится, без милого не ложится. Одна малая птичка-синичка, – плечи Велемилы поникли, руки опустились, как мокрые крылья, лицо стало грустным, черные широкие брови сложились домиком, она даже стала как будто меньше ростом, – сена косить не умеет, стадо ей водить не по силе, нету нигде ей, бедной, места!

Она замолчала, пригорюнившись, так что у слушателей заломило в бровях – хоть плачь от жалости к бедной синичке! Но потом, опомнившись, все закричали, завопили, дети запрыгали на месте, а один даже на лавке, мужики засмеялись, женщины всплеснули руками от удовольствия.

– Вот, любошинское семя, Радогневино племя! – Лысый старик хлопнул себя по коленям. – Все в роду обояльники, не хочешь, а заслушаешься!

– Не лежать черну бобру у крутых берегов, черной куне – у быстрой реки, не сидеть мне, девице, на чужом пиру – на свой собираться пора! – Велемила поклонилась. – Уж у меня, у девушки, все приготовлено: девять печей хлеба испечено, десятая печь – румяных пирожков, девять бочек пива наварено, десятая – меда сладкого.

И только оказавшись снаружи, на свежем воздухе, Стейн заметил, что две сопровождавшие их девушки уже стоят за углом, давась от смеха, и обе сжимают под мышками по курице. Выгнали в сени и прихватили, пока обитатели избы любовались Велемилой – никто и не заметил. И даже если хозяева помнили, какой сегодня день, и знали, зачем к ним пришли три девушки, те честно выкупили свое право унести две курицы в жертву Сварогу, кузнецу семейного счастья.

– Ты – колдунья, да? – Стейн тряс головой, пытаясь прийти в себя. – Ты всех заморозила? Это было заклинание?

– А как же? – Велемила хохотала над его растерянностью, очень довольная плодами своих трудов. – Другие девки в избах по песне споют, курицу заберут, а хозяева будто и не видят! К Творинегу не любят ходить, он и сам строгий, и старуха у него больно вредная. Да против меня и ей не устоять, у меня в роду все баяльники, кощунники, обавники, краснобайники да

вещуны! А Творинег хоть и понимает, а молчит! Что он против меня сделает? У самого две дочери еще недоросточки, надо будет их замуж выдавать, а куда тут без меня?

– Почему – без тебя нельзя замуж?

– Потому что которая девка в «стаю» не принята, та не невеста, ее и сватать не станут!

А в «стаю»-то кто принимает?

Она наклонила голову, многозначительно и с озорством глядя на Стейна – ответ уже был ему ясен. Во всем ее облике было столько лукавства и притом самоуверенной гордости, что он не мог не засмеяться. От воздуха, движения, воодушевления ее глаза блестели, на щеках выступил румянец, губы улыбались, и Стейн поймал себя на желании немедленно ее поцеловать, не думая даже, можно это сделать или нельзя. У них тут все так сложно...

– Каша! – вдруг сказал он, чтобы что-нибудь сказать, и окинул взглядом засыпанную первым снегом землю. – Это так называется?

– Где – каша? – удивилась Велемила. – Ты что, голодный?

– Ну, вот этот снег, маленький и твердый. – Стейн снял рукавицу и поймал на ладонь несколько белых крупинок. – Не то позимка, не то... нет, не каша, но что-то похожее.

– Не позимка, а поземка! – разъяснила Велемила, привыкшая к тому, что словенская речь варягов бывает неправильной. – И не каша, а крупа!

– Точно! – Стейн стукнул себя по лбу. – А я все стараюсь вспомнить...

Велемила расхохоталась: несмотря на этот небольшой промах, Стейн оправдал все ее надежды, и она была рада, что позвала его с собой. Ей было хорошо рядом с ним, и даже предстоящие игрища радовали вдвое сильнее. Он был не слишком разговорчив, но взгляд чуть прищуренных, будто от улыбки, умных и внимательных глаз был так выразителен и даже красноречив, что слова казались лишними. Главное, что этот взгляд выражал, – удовольствие смотреть на нее, Велемилу, и почему-то сейчас это было ей особенно приятно.

– Да, вот, к слову, о каше! – Велемила остановилась и махнула рукой девушкам, чтобы шли с добычей дальше. – Коли ты мне помог, надо и тебя на пир пригласить.

– Да как я помог? – возразил честный Стейн, хотя против приглашения на пир ничего не имел. – А других наших фелагов нельзя? – Он вспомнил о своих молодых товарищах, которым в этот веселый вечер предстоит сидеть в холодном, еще не протопленном гостевом доме и пялиться друг на друга, будто за два года похода не нагляделись. Теперь, когда они наконец попали в вик, где много красивых девушек, его возненавидят, если он пойдет веселиться один!

– Сколько у вас парней?

– Пойдут... ну, десятка полтора бы захотели, – осторожно ответил Стейн.

– Шеляг за всех – осилите?

– А чего же нет! Мы же с Олкоги! У нас этого серебра...

– Хоть с кашей ешь, да как бы не подавиться! – засмеялась Велемила над его хвастовством. – Тогда веди своих. Дорогу запомнил?

Помахав рукой, Велемила убежала в избу, где ее уже ждали девушки со своей добычей, а Стейн пошел в гостевой дом за парнями. По пути он крутил головой и смеялся – кто бы мог подумать, что их первый вечер в Альдейгье выдастся таким бурным!

Старшие ушли посидеть к свояку Святобору, челядь устроила себе пированье в хозяйской бане, выставив чарку на полку баннику, чтобы не сердился, а воеводская изба этим вечером безраздельно принадлежала молодежи. Стол был завален угощениями: жареных кур уложили в два корыта, расставленные на длинном столе, в широких мисках ждала квашеная капуста с конопляным маслом и луком, сняли рушники с остывающих пирогов, в больших горшках дожидалась каша с золотистой лужицей коровьего масла поверху. Припасы для пиршества девушки собирали все вместе, как и для пива, налитого в бочку.

Осталось дожидаться парней, и вот те явились во главе со своим вожаком-баяльником, восемнадцатилетним Селяней, двоюродным братом Велемилы. Это был невысокий, круглолицый, крепкий парень с почти белыми волосами и очень светлыми, прозрачными глазами – сказала чужинская кровь материнской родни. Курносый, некрасивый, он, однако, отличался бойкостью и сметливостью, а способностью говорить без умолку не уступал сестре и девушкам нравился, так что сожалеть о недостатке красоты причин не имел.

И пошло веселье. Прежде чем сесть, Селяня должен был для каждого из своих побратимчиков выкупить место рядом с одной из девушек по его выбору; при этом он всячески расхваливал парня, а Велемила, наоборот, старалась его охаять или смутить.

– Кто охоч гулять, тот передайся к нам! – орал Селяня, войдя в избу, а парни толпились у него за спиной в просторных снях, тянули шеи, пытаясь разглядеть угощения и высмотреть среди девушек за столом ту, которая больше нравится. – У нас молодцы есть хорошие! Первый молодец Синеберн сын Рановидов! – начал он со старших парней из наследников Любощичей, старшего рода ладожской волости. Имена эти Стейну показались странными, и он уже не смог угадать в них старые северные имена Снэбьёрн и Арнвид, настолько те изменились за несколько поколений бытования среди словен. – Синеберн Рановидович во всем горазд: ему быть не в меньших, носить шапку аксамитовую, шубу бобровую, на шубе вотолу шелковую, а на шелку все звери лютые рысучие, птицы певучие, травы растучие, цветы ползучие, лягухи прыгучие!

Девушки покатались со смеху, но Велемила, стоявшая оперев руки в бока, преграждая путь к столу, только тряхнула головой. К началу пира она принарядилась: теперь на ней была богато вышитая исподка, белая шерстяная верхница с короткими рукавами, отделанная полосами красного, с золотым шитьем шелка, на голове алая тканка, расшитая мелким жемчугом, восемь серебряных колец-заушниц, вплетенных в волосы у висков, а на груди блестели бусы в три ряда – из разноцветного стекла, хрустальные и сердоликовые. При свете многочисленных лучин все это сверкало, так что девушка казалась не то богиней из сказаний, не то драгоценным изделием.

– Что сказать про молодца? – прищурившись, она окинула взглядом своего двоюродного брата по матери. – На морозе-то красён, а как в избу зайдет, то раскис, как рассол! Его шапка не добра – как воронье гнездо, да и то не свое – в людях выпрошено, в ногах выкланено, еще хожено, еще прошено, по всей волости, до самого Ильмерь-озера!

– Да он не с пустыми руками пришел, а с подарочком! – пояснил Селяня, и Синята с поклоном передал Велемиле гребешок резной кости.

– Ну, тогда другое дело! – Она сразу подобрела. – Теперь вижу, каков собой добрый молодец. Чем нам его подарить? – Она обернулась к смеющимся девушкам.

– Чаркой золотой! – выкрикнула одна.

– У него есть! – Селяня махнул рукой.

– Шапкой куньей!

– У него тоже есть! – Селяня даже скривился. – А вы подарите его красной девицей – круглолицею, белолицею, говорливою, не спесивою!

– У нас девушки есть хорошие, они шерстью шьют, точно золотом. Какую выбираете?

– Держану свет Доброгостеву дочь! – ответил Селяня, вняв знакам, которые ему делал Синята.

Велемила посторонилась, и довольный парень занял место рядом с Держаной. Поскольку его род обитал в Ладоге дольше всех остальных, почти со всеми невестами он состоял в той или иной степени родства, и было сложно выбрать девушку, которая бы нравилась и при этом не была сестрой во втором или третьем колене.

Так и пошло дальше: Селяня по порядку старшинства рода и возраста выкупал места для всех парней, нахваливал их на все лады, а Велемила оспаривала достоинства женихов.

Истошив запас похвал, Селяня вскоре начал нести несусветную чушь, но всем от этого было только веселее, и охотнее, разумеется, хохотали те, кто уже сидел за столом. На выкуп места парни давали гребешки, или резные ложки, или пуговицы, или подвесочки, обереги, сделанные из клыков собственноручно добытого зверя, или шкурки. Дороже всех Селяня заплатил за место для самого себя: пришлось поднести новый кованый светец собственной работы, чтобы девушкам на павечерницах было светлее прясль. Но Селяня, хоть и получил в итоге самое почетное место рядом с Велемилой, едва ли поистине ликовал по этому поводу, ибо она была ему сестрой.

Варяги проходили последними, и им остались не самые красивые девушки, да и то всего пятерым – остальных пропустили скопом. Стейн сел рядом с одной, видимо чудинкой – совсем маленького роста, с курносеньким лицом, некрасивая, она зато очень приветливо улыбалась ему. Ее имя, названное Селяней, Стейн мгновенно забыл.

Когда все расселись, шума не стало меньше. Велемила сама, по праву хозяйки, ломала на куски тушки жареных кур и раздавала каждой паре ее долю, причем тоже не задаром, а за песню, загадку или прибаутку. Цену называли они вдвоем с Селяней, жарко споря при этом, чем еще пуще веселили собравшихся; но особенно оба баяльника любили заставить пару петь хором. Двое, давась от смеха, тянули не в лад и перевирали слова, а парни подсказывали всякую ерунду, еще больше сбивая с толка, так что впору было падать под стол от хохота. Те, кому доставалась грудка, съевши ее на двоих, должны были разломить «кобылку» – у кого останется бóльшая часть, тот и старший в будущей семье! Потом затеяли играть «в печку». Сначала Селяня с многозначительным видом ходил вокруг печи, стоявшей посреди избы, потом наклонился к ней.

– Что слышно? – спросила Велемила, высоко подняв брови.

– Печка трещит, чур шуршит!

– Что вещит?

– Девку!

– Какую?

– Доброгляду!

Одна из девиц подошла к нему и поцеловала; Селяня отошел, теперь уже девушка стала слушать печку. Так все по очереди выходили к печке и слушали, кого им предвещает «чур». Дошло дело и до Стейна.

– Стеня! – выкрикнула та девушка, что повстречалась им возле двора еще в самом начале этого вечера.

Он даже сразу не понял, что зовут его, но девушка показала, и соседи его вытолкали. Что нужно сказать, он за десять повторений хорошо запомнил, вот только выговорить такие слова, как «трещит» и «вещит», у него получалось не очень хорошо, и это заново всех рассмешило.

– Какую? – хором спрашивали у него.

– Велемила! – сказал он.

Он вовсе не собирался дерзить, вызывая саму баяльницу. Просто Велемила была единственной здесь девушкой, чье имя он знал!

Впрочем, она не разгневалась, а остальные лишь весело загудели: дескать, парень не промах, знает, что выбрать! Пробравшись сквозь толпу, Велемила закинула руки ему на шею – подойдя вплотную, она оказалась лишь чуть ниже его ростом – и горячо поцеловала в губы, потом оттолкнула: дескать, иди, не мешай! – и сама склонилась, прислушиваясь к вещающему голосу в печке. Стейн отошел, она вызвала кого-то, игра потекла дальше, а он стоял в углу, надеясь, что в темноте играющие, увлеченные действием, не заметят его волнения. Ему было жарко, голова кружилась, кровь кипела, на губах еще горел ее щедрый поцелуй, оставивший запах меда. Никого другого он больше не видел, зато от Велемилы не мог отвести глаз. Каждая черта ее лица и всего облика будто впечаталась ему в душу. Просто стоять в самом темном

углу и видеть ее было счастьем. Его не особо огорчило даже то, что за весь остаток вечера Велемила ни разу на него не посмотрела.

Глава 2

Вестмар Лис, не отстав от племянника, тоже отлично провел время на пиру в доме у Домагостева свояка Святобора. Вернулся он даже позже Стейна и сразу лег спать. А утром, когда оба вяло ковыряли ложками кашу, поданную Домагостевыми челядинками, Вестмар оголошил Стейна потрясающим известием.

– У меня для тебя отличная новость! – начал он, слегка морщась от головной боли, но стараясь не обращать на нее внимания. – Просто отличная. Я нашел тебе невесту и уже почти обо всем договорился.

Стейн чуть не подавился кашей и на всякий случай опустил ложку, которую было тянул ко рту, обратно в широкую миску. Невесту! Ему сразу пришла на ум Велемила – правда, она со вчерашнего дня оттуда и не уходила. Всю ночь ему снилось что-то радостное и яркое – он ничего не помнил, но проснулся с ощущением блаженства. Неужели... Не может быть...

– Э-это кто? – еле выговорил он, во все глаза глядя на дядю.

– Я вчера много разговаривал с самим Сватибьёрном. – Так свеи называли старейшину Святобора. – У него есть дочь, она уже вдова, но по матери очень знатного рода: ее мать была младшей сестрой жены Домагеста. Но ты не пугайся: это совсем молодая женщина, не старше тебя. Ну, или совсем ненамного. Она несколько лет назад вышла замуж за знатного харсира, который жил и правил Валаборгом и погиб в сражении с Иггвальдом Кабаном. У нее остался маленький сын. От имущества ее мужа ничего не уцелело, но Сватибьёрн дает за ней приданое как за девушкой. Очень хорошее приданое: скот, утварь, челядь! Мы сможем сразу завести хозяйство, и наш дом будет полон всего, что только нужно.

– К-какой дом? – выговорил обалдевший от таких новостей парень.

– Я вчера не просто так купил бычка и угощал всех старейшин – они дали мне разрешение строить дом для себя и дружины. Ты помнишь, я давно об этом подумывал. В Альдейгье в последнее время стало можно делать хорошие дела, и чем вечно платить за постой и волноваться, хватит ли нам места, лучше обзавестись собственным домом, как у деда Хринга был в Хейдабьуре. И будет просто замечательно породниться с самым знатным из здешних хёвдингов – даже с двумя, потому что и Домагесту твоя невеста приходится племянницей, – и сразу получить все нужное для хозяйства, не тратя денег. Говорят, это очень красивая женщина. Ты, по-моему, вчера должен был ее увидеть?

Стейн кивнул. Он действительно сразу понял, о ком идет речь: на вчерашнем гулянье среди девушек затесалась только одна молодая женщина во вдовьем платке. Правда, вдова была весьма милостива и юна годами, но все же Стейну никогда не пришло бы в голову жениться на ней или еще на ком-то здесь – пока не минует те три года, которые Велемиле предстоит проходить в девушках.

– Условия очень хорошие, – продолжал Вестмар. – Ребенок у нее совсем еще маленький и не помнит родного отца. Если ты не захочешь его усыновить, Сватибьёрн готов взять его содержание на себя. Но я бы советовал тебе его усыновить: так мы будем иметь в семье внука Сватибьёрна, не дожидаясь, пока у вас родятся свои дети. Домагест мне сказал, что эту свою дочь Сватибьёрн очень любит и к внуку привязан. Ее мать, рассказывают, была очень красивой женщиной и знаменитой целительницей. И Домагест меня заверил, что о ней не ходит никаких

таких слухов... ну, ты понимаешь... как обычно говорят о молодых вдовах. К тому же этот мальчик происходит из самого древнего и знатного северного рода этих мест. Его отец правил в Валаборге, но был убит тогда же, помнишь, три года назад. Этот род обладает наследственными правами на Валаборг, а это выгодное место!

– Но Валаборг совершенно разорен.

– Это потому что некому им заняться. Как знать, что может со временем получиться, если найдется деятельный, хороший хозяин, имеющий сильную родню и способный восстановить Валаборг! – Вестмар с шутливым намеком толкнул Стейна в плечо. – Тогда в его руках окажется самый короткий путь из Восточного моря на Олкогу! Ты понимаешь, какие это богатства, какая это власть! Недаром ее первый муж был так славен в этих местах! Правда, у него остался еще один сын, уже совсем взрослый. Он тоже живет где-то здесь...

Стейн опять кивнул: вспомнив молодую вдову, он вспомнил и того, кто на вчерашнем гулянье захотел сидеть с ней рядом. Причем вовсе не потому, что выбора не оставалось. Ее предпочел рослый, худощавый парень по имени Деленя, который годами был заметно старше остальных и которому Селяня выкупал место вторым после Синеберна, что указывало на знатный род. Стейн еще удивился мысленно: вдова, конечно, ничего собой, но ведь места рядом с двумя десятками молодых длинносыдых девушек еще оставались свободными! И ее же Деленя пожелал поцеловать, когда ходил вокруг печки.

– Да, дядя, это очень хорошее предложение и прекрасное родство, – заговорил Стейн, немного придя в себя. – Я и правда видел вчера эту женщину и готов признать, что она молода и хороша собой. Но я не могу согласиться, чтобы такая невеста досталась мне! Я еще не заслужил столь почетного брака, и мне будет стыдно перед людьми – тебе самому гораздо более пристало воспользоваться такой прекрасной возможностью! Ты уважаемый человек, мой старший родич, почти отец – тебе следует самому взять за себя такую знатную невесту. А я еще молод и могу подождать. Если мы завяжем в Альдейгье такие хорошие родственные связи, то через несколько лет и я смогу выбрать достойную невесту, и тогда никто не скажет, что меня отличают не по заслугам.

– Ты так думаешь? – Вестмар с сомнением посмотрел на племянника. – С одной стороны, если невеста уже вдова, то ей больше подойдет зрелый жених. Но я подумал, что тебе будет уместно пустить корни в Альдейгье, пока ты еще молод. Твои дети родятся здесь и будут изначально допущены в круг самых знатных и влиятельных родов. Да и невеста еще почти девушка годами...

– Но и *твои* дети тоже родятся здесь! – настойчиво убеждал Стейн. – Дядя, я бы на твоём месте непременно взял эту невесту себе. У меня будет еще множество случаев найти жену, а ты уже в таких годах, когда пора обзаводиться семьей. Это прекрасный случай для тебя: вдову с охотой отдадут за такого почтенного человека, но сама невеста достаточно молода и хороша собой. А я никак не могу себе позволить такое дело, когда мой ближайший старший родич еще не женат. Мне просто неприлично заводить семью раньше тебя. На это косо посмотрят.

– Я, правда, думал... – Вестмар оглянулся, но все же не решился высказать свои мысли вслух. – Но едва ли Домагест согласится... Ну, если ты так уверен, что не хочешь брать дочь Сватибьёрна за себя...

– Совершенно точно не хочу! Я буду очень рад твоему счастью, дядя! – со всей искренностью заверил Стейн. – К тому же и мне это поможет.

На том и порешили, к величайшему облегчению Стейна. Он был растроган дядиной заботой и благодарен ему, но женитьба на двоюродной сестре Велемилы была совсем не тем, о чем он мог бы мечтать. А как объяснить людям, почему он отказывается от молодой вдовы? Возможно, дочери самого Домагеста слишком хороши для заезжих варягов – Велемила же вчера объясняла ему, что является кем-то вроде хёвдинга среди девушек, а заодно и земным воплощением богини-девы. Но он не хотел так сразу отказываться от надежды и теперь мечтал

лишь о том, чтобы Святобор согласился вместо племянника взять в зятя дядю. Вестмару едва исполнилось сорок, он вовсе не стар для женитьбы, тем более на вдове с ребенком.

Ошарашенный новостями, Стейн пошел во двор – немного проветриться на свежем воздухе и остудить голову. Холодный осенний ветер ударил в лицо, но после духоты дымной избы показался свежим и прямо-таки живительным. Стейн вдохнул, закрыв глаза... а когда открыл их, то сразу увидел, что его тут уже ждут. В нескольких шагах от двери сеней на промерзшей земле нетерпеливо топтался вчерашний парень, приятель молодой вдовы. Стейн мгновенно узнал эту рослую фигуру с длинными руками, продолговатое лицо, настолько худошавое, что кожа туго обтягивала скулы, прямой северный нос, глубоко посаженные серые глаза. Окружали его еще пять-шесть парней – какие-то из этих лиц показались знакомыми по вчерашнему вечеру, каких-то он не помнил; судя по одежде и виду, сыновья самых небогатых семей. После гулянья у всех был осунувшийся и хмурый вид.

Стейн остановился. Он еще не опомнился после беседы с дядей: едва успел поверить сперва в то, что его хотят женить, а потом в то, что ему удалось избежать этой чести. Мельком вспомнилось, как однажды, то ли прошлой, то ли позапрошлой зимой, на далекой реке Каме, куда бьярмы привозят собольи меха, он так же утром вышел из занесенной снегом избы, где ночевали вповалку, и увидел в десятке шагов перед дверью стаю волков. Вот так же те окружали человеческое жилье в надежде на поживу, и даже дневной свет и запах дыма не могли отпугнуть оголодавших хищников.

Обнаружив перед собой решительное, с выражением угрюмого вызова лицо Деллинга, он сразу понял, что это продолжение утреннего разговора. Эти парни заявили к нему по поводу задуманного сватовства. Но уж точно не с поздравлениями. Первым его побуждением было крикнуть и позвать из дома товарищей на помощь, но Стейн сдержался. Все-таки тут не глухой лес и это не волки. Привыкнув ездить по дальним странам, он так же привык до последней возможности стремиться уладить любой спор миром. Торговец – всегда в какой-то мере заложник своего ремесла, поскольку ему вечно приходится разъезжать с дорогостоящим имуществом при себе, вдали от дома, среди чужих, порой недружественно настроенных людей.

Что Деллинг собирается ему сказать, Стейн понял раньше, чем тот открыл рот.

– Слышь, ты, бродяга неумытый! – бросил тот, подходя ближе. – Ты даже думать о ней забудь! Если хоть посмотришь в ее сторону, я тебя так отделаю, что свои не узнают!

– Ничего, до свадьбы заживет, так ведь здесь говорят? – Стейн усмехнулся. Он был готов обсудить все толком, но Деленя сразу начал его оскорблять. – А вот ты кто такой и почему суешься в чужие дела?

Дело было не только в том, что он ценил благополучие дяди – Стейн никак не мог позволить, чтобы мужчин их рода считали простофилями, не способными добиться хорошей невесты.

– Свадьбы никакой у тебя не будет! Тебе придется жениться на Хель, если ты не уберешься отсюда немедленно! – Деленя подошел почти вплотную. – Чтобы завтра духу твоего в Ладого не было, ты понял? Или яйца оторву!

– А ты и есть главный здешний хёвдинг? И это – твоя дружина? По ее виду не скажешь, что у тебя много удачи. Похоже, ты ее набрал из того сброда, что в каждом вике околачивается возле торговых гостей и просит милостыню. Может, вы и смогли бы напугать какого-нибудь старого калеку, но я уже не раз бил волков, что ждали за порогом, воя от голода!

Парни за спиной Делени зароптали и тоже придвинулись ближе. Он легко нашел себе товарищей для этого дела из числа самых бедных ладожских парней, которые тоже были недовольны прибытием пары десятка молодых свеев, собиравшихся здесь зимовать. Женихи из богатых и знатных родов без невест не останутся и соперничества варягов, славных тугими кошельями и затейливыми баснями о дальних странах, могут не опасаться. Зато беднякам девушек всегда не хватает, а тут еще варяги!

– Это вы – волки! – рявкнул Деленя. – Мы тут таких волков уже видали! Как в последний раз приходил, так за рекой мы эту падаль и зарыли!

Стейн стиснул зубы: Деленя намекал на Игвальда Кабана, пытавшегося захватить Ладугу три года назад, но не знал или не помнил, что родной брат Стейна, Свейн, тогда сражался и погиб на стороне ладожан.

– Ты еще мал для битвы! – надменно, с трудом сдерживая бешенство, отозвался Стейн. – Хоть ты и ростом с мачту, но до сих пор боишься расстаться с материнским подолом!

Из болтовни девушек вчера он уловил, что та молодая вдова была мачехой Деллинга. Сейчас он кстати об этом вспомнил, и, судя по тому, как исказилось лицо соперника, стрела попала точно в цель.

Не сказав ни слова, Деллинг сделал выпад, норовя ударить Стейна по лицу, но тот, давно к этому готовый, ловко уклонился и нанес ответный удар в шею – Деллинг не успел восстановить равновесие и чуть не влетел в бревенчатую стену, перед которой Стейн стоял. Одновременно Стейн заорал во все горло, и варяги, услышав уже знакомый клич, что «местные бьют!», горохом посыпались из двери избы.

Перед гостиним двором закипела драка. Пришедшие были без оружия – не сумасшедшие же они, в самом деле, чтобы затеять убийство торговых гостей, по обычаю принятых на зиму, а значит, пользующихся покровительством ладожской старейшины. Поэтому варяги тоже действовали кулаками, стремясь лишь отогнать наглых местных от своего пристанища и отбить охоту на всю предстоящую зиму задиравать чужаков. Особенно отличался Эльвир – здоровенный норвежец с разметавшимися белесыми волосами; корча страшные рожи, он выл и ревел диким голосом, подражая берсеркам. На самом деле он берсерком вовсе не был, но на противников, ждавших от северян чего-то в таком роде, это всегда производило сокрушительное впечатление.

Из воеводского дома на бугре вышла Велемила – глянула вниз, на пустырь перед гостиним двором, несколько мгновений молча наблюдала за побоищем, потом, опомнившись, завизжала диким голосом, прыгая на месте и размахивая руками, как синец, и кинулась назад в избу, поднимать народ.

Драка была в самом разгаре – хотя варяги, имея численное превосходство, уже брали верх над ладожанами – когда на них на всех разом набросились какие-то люди с палками и стали теснить в разные стороны, осыпая ударами. Это оказалась челядь Домагостя и его брата Хотонегга, а заодно и Селяня с братьями. Противников растащили в стороны, а те, увидев рядом воеводу с братом, Вестмара и прочих, поневоле унялись, хотя и продолжали выкрикивать оскорбления. Стоял шум, гвалт, народ сбегался со всех сторон посмотреть на драку – правда, большинство опоздало и поспело только к тому, когда противники уже остыли и принялись собирать потрепаные колпаки, оторванные рукава и выбитые зубы.

– Что такое? Кто первый начал? Из-за чего драка? – строго допрашивал Домагость.

– Стейн, что ты натворил? Зачем ты ввязался в это? – причитал Вестмар. – Это может все нам испортить!

– Деленя, ты что, умом рехнулся? – Селяня, не смущаясь тем, что был на голову ниже, схватил того за грудки, потрянул и прижал к стене гостиного двора. – Ни на одну посиделку не придешь больше за всю зиму! Мы их до весны в «стаю» приняли, они серебром заплатили! А ты морду бить! Меня на всю округу позоришь!

– А чего они... – бурчал Деленя, рукавом утирая подбородок, сплевывая льющуюся изо рта кровь и жадно ловя воздух. – Чего... Я его... На клочки порву... Он, гад...

– Если гад, то приходите всей «стаей» разбирать! Порядок на что? Ты вон какой здоровый, должен понимать! И уж если не договоримся, тогда драться, но как положено. Тебе что – тринадцать лет? Да я тебе сам все зубы повыбью!

Стейн ушел к мосткам умываться, а подняв голову, обнаружил рядом Велемилу. И пожалел, что ее сюда принесло – вид у него был не самый лучший. Из носа текла кровь, бровь была разбита, скула распухла – синяк будет на три шеляга!

– Пойдем со мной, я тебе кровь остановлю. – Велемила потянула его за рукав. – На, приложи пока.

Она обмакнула платок в воду и подала ему; Стейн взял и прижал к брови, стараясь хоть немного прикрыть разбитое лицо. Велемила потянула его за собой.

– Деленя дурак, – говорила она по пути до воеводского двора. – Что он по Даряшке сохнет, все до последней курицы знают. Он бы ее за себя взял, да Святобор не отдает. Куда отдавать – Деленя сам у него на хлебах живет. Они тогда от Игволода в чем были ушли, все добро до последней исподки в Вал-городе погорело. И знал ведь, что отец ее хочет снова замуж отдать – молодая еще баба, не век же ей «кукушкой» ходить!

– Чем ходить? – наконец подал голос Стейн, слегка отдышавшись.

– Ну, видел на ней вчера платок как повязан – это называется «кукушкой», так вдовы носят. Видать, проведаль, что ее за тебя сватают.

– Уже не за меня, – торопливо поправил Стейн. – Мы с дядей решили, что ему гораздо приличнее будет жениться.

– Да? – Велемила остановилась и повернулась к нему. – Вестмар хочет жениться? А отец сказал, что тебе сватают.

– Мы сегодня утром поговорили и решили, что я еще молод для женитьбы и ему следует первому.

– А... – Велемила словно не знала, что сказать, а Стейн пытался понять, довольна ли она этой переменной. – Что же ты ему не сказал?

– Я бы сказал, если бы он вел себя поучтивее. Но он сразу начал меня оскорблять. И к тому же я ведь не хочу, чтобы он набросился с кулаками на моего родного дядю!

– Ну, пойдем. – Велемила улыбнулась и снова потянула его за рукав.

Она сама не знала, почему так рассердилась, узнав от отца, что Святобор сватает Даряшку за Вестмарова племянника. Надо бы радоваться – парень хороший, заслужил... Но почему-то ей стало так досадно, что она едва сдержалась. К тому же сейчас, во время драки, мельком увидев Стейна, она поразились, до чего он не похож на вчерашнего и насколько жестким стало его лицо. Оказывается, эта его мягкость, добродушие и сговорчивость – только до тех пор, пока его не трогают. Деленя, видать, решил, что соперник – размазня, которого ничего не стоит запугать. Не учел, дубина, что, если человек четыре года в походах провел и доходил до Камы, он размазней быть не может. А то бы давно размазали... И его сдержанность – как беличья шкурка, брошенная на камень: сверху вроде мягко, а попробуй ударь – кулак отшибешь. «Я и есть Камень», – вспомнила она его вчерашний рассказ и хмыкнула.

В избе Велемила залила горячей водой сухую траву «мышинный горошек» – первое, что попало в ларе с зелиями для остановки крови и заживления ран, сделала примочки из веточки, велела прикладывать к брови и скуле. Нос она осмотрела и сказала, что хоть и есть легкий перелом, но вправлять не надо. Поворачивая его лицо и стирая кровь, она слегка коснулась пальцами его губ, и Стейн замер, едва дыша и совершенно забыв о боли. Он уже был не в обиде на Деленю, благодаря которому теперь сидит здесь, а Велемила окружает его заботами.

Ближе к вечеру все снова собрались в большой воеводской избе. Кроме хозяев, пришли Вестмар с племянником и Святобор с братьями и с Деленей. Виновник драки жил у него в доме на правах пасынка вдовы-дочери, и в случае таких вот происшествий старейшина нес за него ответственность. Вид у Велесова волхва был хмурый, а у Делени по-прежнему задиристый, несмотря на несколько синяков и ссадин. Других старейшин Святобор просил пока не звать: себя он чувствовал кругом виноватым и надеялся решить дело миром и по-тихому, чтобы не позориться перед всей Ладогой. Он сам вчера устраивал пир, где Вестмар выкупил право на

пристанище и мир на всю зиму, сам приносил от его имени жертву Велесу – покровителю путников и чужестранцев, сам почти просватал в его род свою дочь – и из его же дома явился тот, кто пытался избить гостей! Одной рукой обнимаю, другой колочу – так про него теперь скажут! В сердцах он чуть не согнал Деленю со двора, но сдержался: от позора это его не избавит, а ума хватало не принимать поспешных решений. К тому же Даряша рыдала весь день, заодно с ней ревел во все горло и маленький Воята, а Святобор питал слабость к дочери, которой и так в жизни досталось. Ради нее он и принял в дом Деленю – считаясь ее пасынком, парень вместе с тем приходился и все равно что внуком Святобору! Послали же чуры такого вот «внучка»!

Явился также и Селяня, как баяльник, отвечавший за остальных парней-драчунов, и тоже сидел туча тучей. Велемила, которой тут присутствовать совершенно не полагалось, забилась в дальний темный угол и сидела как мышь под веником, надеясь, что ее не заметят и не выгонят. По родству и по просьбе Яромилы, которая всегда близко дружила с Даряшей, она часто приглашала ту на гулянья девичьей «стаи», хотя обычай позволял это только для бездетных молодых вдов, и теперь чувствовала себя причастной к происходящему. Ну, не только поэтому...

– Я прошу тебя, воевода, разобраться это дело, – обратился Вестмар к Домагостю. – Мы выплатили деньги и устроили пир для общины, благодаря чему имеем все права на защиту нашего имущества, чести и жизни. Однако сегодня утром около десятка молодых мужчин из Ладоги незаконно напали на моего племянника Стейна прямо у порога нашего дома и пытались его избить. Я требую, чтобы нам была выплачена вира за оскорбление и несправедливые побои.

– Я заплачу. – Святобор досадливо кивнул, понимая, что отрицание очевидной вины опозорит его сильнее, чем ее честное признание. – Ты прости, Вестим Альвардович! – Он встал и медленно поклонился. – Я за своими отроками не уследил, мне и ответ держать. А наш уговор я в силе считаю.

– Выслушай и меня, воевода! – Деленя встал и тоже поклонился Домагостю. Святобор пристукнул посохом, словно призывая его сидеть и молчать, но тот даже не оглянулся. – Не по праву дело затеялось! Он не имеет права ее замуж выдавать! Она в мой род отпущена и была женой моего отца. Коли его в живых нет и из всей родни я один остался, мне и решать, идти ли ей замуж или нет. Она теперь моему роду принадлежит!

– Я ее кормлю с дитем, мне и решать! – Святобор гневно стукнул посохом об пол. – А ты когда свой дом заведешь, когда будешь свой хлеб есть и ее кормить, тогда и будешь решать, как ей жить!

– У меня будет свой дом! – Деленя повернулся к нему. – Ты знаешь, что я давно хотел вернуться в Вал-город, восстановить его и снова там жить, как жил мой отец! Мне только нужно немного помочь с обзаведением. И ты же обещал мне помочь!

– Так это еще когда будет! А дочь мне надо теперь замуж выдавать! Сколько же ей еще «кукушкой» повязываться, баба молодая, ей только рожать! У бабы, знаешь, годы сыплются, как зерно из худого мешка! Засохнет, пока тебя дождется.

– Я правильно понимаю, что этот человек хочет сам жениться на предложенной мне невесте? – Вестмар в выразительном удивлении поднял брови.

– Да! – Деленя повернулся к нему. – Я имею на нее все права. Она уже была однажды отпущена своим родом за моего отца, его сочли достойным. И никто другой не может добиваться ее с тем же правом, что и я. А кто вы такие? Вас никто здесь не знает!

– Наш род хорошо известен в Вестманланде, – сказал Вестмар. – Мой отец, Халльвард Мудрый, был законоговорителем, а его брат Эйвинд Олень славился как доблестный и богатый человек. Он часто ездил в торговые поездки, а иногда ходил и в викингские походы. Их отец, Хринг Стрела, тоже был богат и знатен и часто ездил в Страну Фризов и Страну Франков. Он женился на Асбьёрг дочери Вемунда, который считался самым могущественным и знатным

человеком в наших краях из тех, кто не был конунгом или ярлом. Он был очень воинственен и часто ходил в походы. Другими его детьми были Торир Плоский Нос, Асбьёрн Крачка, Свейн Бык, Дагни и Улла. Все они были знатными и богатыми людьми и владели усадьбами близ западной оконечности озера Лауг. Из их родни особенно славен был Трюгтве сын Торира, по прозвищу Губитель Бьярмов. Он часто ходил походами в их страну, убивал много людей и обкладывал данью. Но самый знаменитый из наших предков – это Трюгвард Волчий Глаз, отец моего деда Хринга Стрелы. Он часто ходил в викингские походы на запад через море и в Восточные Страны и никому не уступал как на поле битвы, так и в сравнении мужей⁸. Когда его похоронили, то его курган, как говорили, был только наполовину насыпан из земли, а остальное – из золота. Но один человек, бедный и худого рода, как-то ночью раскопал курган и похитил часть золота. После этого Трюгвард стал выходить из могилы и губить людей и скотину. Никто не мог его видеть, но все видели, как люди вдруг падали замертво, а на шее у них появлялись синие следы от пальцев. У иных были переломаны все кости. Душил он также и скотину, и убитых им овец нельзя было есть, потому что они были все синие...

– Мой род ничуть не хуже, – заявил Деленя, когда Вестмар закончил длинный рассказ о подвигах предков, совершенных ими как при жизни, так и после смерти. – Ингвар конунг был первым, кто поселился и правил в Альдейгье. Это было вскоре после той битвы при Бровеллире, в которой погиб Харальд Боевой Зуб. Ингвар конунг был мудр, справедлив и могуществен. Дочь его Ингебьёрг была прекраснее всех девушек, умна и сведуща в разных делах, особенно в лечении. Многие желали взять ее в жены, но она не находила достойного жениха себе по вкусу...

Рассказывая, Деленя немного успокоился: эту сагу он знал хорошо, поскольку временами повторял ее зимой, и находилось немало желающих слушать. К тому же теперь он рассказывал о своем роде не для развлечения, а чтобы обосновать права на единственную женщину, которую любил.

– Жил в то время в Наумдаль-фюльке знатный вождь по имени Стурлауг сын Ингольва. Во время йоля он устроил у себя на хуторе большой пир. Среди гостей был викинг по имени Франмар. Это был сильный человек, во всем искусный, красивый собой и знатного рода. Во время пира, как принято с давних пор, все знатные гости стаи стали давать разные обеты. Когда дошла очередь до Франмара, он встал с места и сказал: «Я возьму в жены Ингебьёрг, дочь Ингвара конунга, что правит на востоке в Альдейгье, или умру».

Во время йоля больше ничего не произошло. Но вот пришла весна, и решил Франмар, что пора ему исполнить свой обет. Приготовил он шестьдесят кораблей с дружиной и с ними отплыл из Свеаланда. Пошел он со своим войском по Восточному Пути, везде грабя и разоряя земли, пока не прибыл в Альдейгью, где правил Ингвар. И вот Франмар послал людей к Ингвару конунгу сватать его дочь Ингебьёрг...

Из первой попытки Франмара раздобыть невесту ничего не вышло, хоть он и явился к ней в своих лучших одеждах, в кольчуге и шлеме, с лучшим мечом, щитом, разукрашенным золотом, и хорошим копьем, а с ним пошли многие люди его дружины.

– Имеешь ли ты земли и подданных, или захватил в походах большие богатства и завоевал славу, чтобы быть достойным породниться со мной? – спрашивает конунг.

– Я думаю приобрести все это после того, как породнюсь с тобой, – говорит на это Франмар.

Но Ингебьёрг отвергла его, сразу узнав викинга, несмотря на то, что он назвался чужим именем. После этого сага повествовала о том, как Франмар увел свои корабли прочь, а сам вернулся, передевшись торговым человеком, попросил приюта у Ингвара конунга и все искал

---

⁸ Сравнение мужей – упоминаемый в сагах обычай, когда присутствующие на пиру перечисляли свои подвиги, выясняя, кто наиболее доблестен.

случая встретиться с его дочерью. Однажды наконец он улучил миг и поцеловал ее, когда она осматривала раны одного человека, которого лечила, но этот поступок Франмара сильно ее разгневал, и она велела ему уходить вместе с сообщником, а иначе пригрозила им смертью.

– Пришлось Франмару возвращаться к Стурлаугу и просить у него помощи и войска, – продолжал Деленя. – Теперь Стурлауг снарядил триста кораблей, и они пошли по Восточному Пути, везде грабя, разоряя земли и захватывая огромную добычу. Ингвар конунг вышел им навстречу с большим войском. Три дня продолжалась битва, и наконец пал от руки Франмара Ингвар конунг и войско его было рассеяно. Ингвара конунга похоронили в Альдейгье, насыпали над ним большой курган, который стоит и поныне. А Франмар взял в жены Ингебьёрг и сделался конунгом в Альдейгье. Но через десять лет он поссорился с влиятельными людьми и они изгнали его. Франмар поселился в Валаборге и правил там, собирая дань. У Франмара и Ингебьёрг были сыновья Коль, Хродгейр, Ингвар и дочь Хильд, и все это были могущественные и прославленные люди. У Коля были сыновья Франмар Вепрь, Эгиль, Скафти, Доман и Володень и дочери Ингебьёрг, Брюнья и Светлоока. В это время пришел с большим войском шведский конунг Эйрик, стал воевать и разорять страну. Все люди собрали войско, и была большая битва. Она длилась два дня, и в конце концов Эйрик победил. В этой битве пали сам Франмар Вепрь, и его братья, и единственный его сын Эгиль, а дочерей взял в плен Эйрик конунг и отдал в жены своим людям. Дочь его Бранислава стала женой Бьёрна Красноречивого, ярла Эйрика конунга. У Бьёрна было трое сыновей, и двое старших, Ульвльот Черный и Коль Куница, погибли в море, будучи молодыми. А у моего отца было четверо сыновей и две дочери. Две его дочери, мои сестры, умерли девушками, старший сын Бьёрн погиб в море десять лет назад, а Домослав и Улеб доблестно бились с Иггвальдом сыном Хали и погибли с честью.

Стейн слушал сагу с большим вниманием: ему давно хотелось знать о человеке, в память которого насыпан такой огромный курган. С первого раза он не запомнил всех потомков Ингвара Старого, только отметил про себя, что в этом роду было несколько словенских жен, поэтому северные имена мешались с местными, а имя Брюнья через поколение уже стало звучать как Бранислава. Если бы не свей Бьёрн и его родовые имена, то, вероятно, Домославы и Володени совсем бы вытеснили Ульвов и Эгилей.

А к тому же Стейн не мог не сочувствовать викингу, который пожелал взять в жены дочь конунга Альдейгьи и добивался своего не добром, так хитростью, а не хитростью, так силой. Наверное, эта Ингебьёрг была такой же гордой, как Велемила... Стейн покосился на забившуюся в угол девушку. И если Ингебьёрг была так же хороша, то лично он Франмара прекрасно понимал.

– Твои предки были доблестны, но сомнительно, чтобы ты имел право называться их потомком! – страхнув мечтания, сказал Стейн Делене, когда тот закончил. Он ведь недаром сегодня провел с Велемилой почти весь день и кое-что выяснил: нельзя же допустить, чтобы этот драчливый лось отбил невесту у его дяди. – Твой отец погиб при набеге Иггвальда Кабана, это верно? Также говорят, что русь бросила его, будто дохлого пса, в овраг, и до сих пор никто не знает, где его тело! Это позор для потомка таких славных предков!

– Замолчи! – Деленя в ярости снова бросился к нему, но тут уж Селяня и Доброня мигом накинулись на него сзади и оттащили к скамье.

– Это правда! И ты, пока не найдешь тело своего отца, не справишь все обряды, не упокоишь его дух и не обеспечишь достойное погребение, не можешь даже упоминать о каких-либо родовых правах. Порядочные люди еще мстят за убийство родичей, но это за тебя уже сделали другие. Тебе осталось только похоронить отца и братьев, но и этакую малость ты за три года не сумел сделать. Никто не доверит тебе не только знатную женщину с ребенком, но даже хромую собаку.

– Я сделаю это! – Деленя побледнел как смерть и тяжело дышал, тем более что ответить на эти оскорбления ему было нечего. – Я сделаю это сейчас же! Я завтра же поеду в Вал-город.

Я найду тела отца и братьев и устрою им погребение, я посмотрю, насколько пострадал город, кто там есть из людей и много ли их сможет там поселиться снова. К весне я буду жить в своем доме в своем городе. Только подождите! – С трудом пересилив себя, он повернулся к Святобору и низко поклонился: – Батька, не выдавай Даряшу еще хоть с полгода! Только до весны подожди, тогда сам увидишь! И вы... – Он посмотрел на Вестмара и Стейна, на лице его отражалась борьба: он не хотел кланяться варягам, но понимал, что его судьба зависит от них. – Не сватайте ее хоть до весны. Что вам подождать полгода? Если не справлюсь – тогда ваша невеста. А если справлюсь – невеста моя, а вам проезд через Вал-город с любым товаром безданно-беспошлинно. Идет?

Вестмар поднял брови, всем видом выражая отчасти сомнение, отчасти любопытство.

– Отчего же не дать человеку случай?

– Если он просит вежливо, – ядовито подсказал Стейн.

– Если он просит вежливо и предлагает нам достойное возмещение... за ожидание.

На этом пока порешили: Деленя обязался немедленно ехать в Вал-город и восстановить честь своего рода хотя бы погребением отца, а Вестмар согласился ждать, после чего обратиться к совету старейшин Ладоги за решением, кто из двоих женихов более достоин получить невесту.

– Несчастливый у них род, – хмуро заметила Велемила, когда совет закончился и молодежь выскользнула из дома. На дворе, несмотря на холод, исхода дела дожидалась почти вся Селянина «стая» и с десятков самых смелых девушек. – Сперва того старого Хранимира из Ладоги погнали, потому что хотел со всех дань собирать. И даже с нашими Любошичами распрю затеял. Теперь и Вал-город разорили, Хранимировичи назад в Ладогу пришли, а тут им больше места нет, нам таких князей не нужно. Хватит, намучились мы с варягами – один Ерик конунг со своим зятем, Анундом Лысым, и сыном его, Лютом Кровавым, сколько крови у нас выпили. Даряшке, я знаю, Деленя нравится, она бы рада за него идти. Но я бы не пошла! Несчастливый род! Что имеют, сохранить не могут – у Ингвара Старого Франмар власть отнял, Франмара Ерик конунг с места согнал, а нашего Хранимира Игволод Кабан зарубил с сыновьями вместе. Одни саги от них и остаются.

– Не так плохо, когда остаются саги, – возразил Стейн. Он стоял рядом с Велемилой, будто так и надо, и хотя парни посматривали на него вопросительно, бить морду вроде никто больше не рвался. – Когда нас не будет, потомки будут знать наши имена.

– И что толку? – Велемила пожалала плечами. – Ну, знаем мы их имена. А их души уже третий год не кормлены, воевода Хранимир и вовсе не погребен. А где кости – только волхвы теперь и найдут. Не станут предки Делене помогать – и все, кончится их род, и саги рассказывать станет некому.

– Да как теперь могилу узнать? – пожал плечами Синята. – Там в тот раз сто человек кое-как зарыли, и всех ям, поди, не найдешь.

– Волхвов попросить. Святобора. Пусть спросит дух, где его тело. Неужели Хранимир не отзовется? Ему-то хочется быть погребенным по-людски. А если и не отзовется, то хоть на пожарище жертвы принести – ему и всем, кто погиб и не погребен толком. Как мы на Любошином городище каждую весну приносим.

– Что же, теперь ехать? – с недоумением спросил Добройбой, младший брат Святодары. – До весны хотя бы подождать! Как раз деды проснутся.

– Пусть ждут! – Велемила пожалала плечами, дескать, мне-то что. – Вестмар только ждать не хочет.

– Мы своих предков погребаем и угощаем вовремя, и уже совсем скоро у нас появится здесь дом, которому будет нужна достойная хозяйка, – заверил Стейн, глядя перед собой и стараясь даже мельком не бросить взгляд на Велемилу. Догадаются, что он мысленно видит на этом месте ее, – на смех, пожалуй, поднимут.

А может ли он сам назвать свой род счастливым? С тех пор как ему впервые пришло в голову сравнить Велемилу с Ингебьёрг, Стейн невольно стал сравнивать и себя с Франмаром. Его предки – хорошие хозяева и уважаемые люди, но конунгов среди них не водилось и войска на трехстах кораблях ему точно никто не даст. Едва ли Трюггвард хёвдинг еще раз вылезет из могилы, чтобы набить морду Делене!

Стейн хмыкнул, представив себе это зрелище. Да, Трюггвард уже сто лет оберегает родовые владения от чужаков и прославился этим на весь Вестманланд, но благодаря этому потомки его за сто лет так размножились, что не в первом поколении младшие сыновья вынуждены искать свое счастье за морем. Свейн, названный в честь брата прабабки Асбьёрг, Свейна Быка, уже ничего не найдет. О нем скажут коротко: он погиб на Восточном Пути еще молодым – вот и вся его сага...

Глава 3

На другой день Вестмар приступил к работам по строительству дома для себя и дружины. Место ему сообща определили на бывшем Варяжском конце, выходявшем прямо к устью Ладожки, где уже лет тридцать над старыми пожарищами буйно росла бузина. А чтобы не скучать зимой и по весне меньше тратить серебра, Вестмар собирался снаряжать своих людей на охоту – добывать дичь для прокорма, меха и шкуры для будущей торговли. Право охотиться возле Ладоги тоже надо было выкупить, и сговорились на том, что весной десятую часть стоимости своей добычи Вестмар внесет Святобору, Велесову жрецу, на устройство братчин. На том порешили, ударили по рукам и выпили пива. Вестмаровы варяги отправились в лес рубить бревна, а Святобор старший сын Буреяр пошел с ними показывать уголья. На выбранной Святобором делянке валяли сосны, обрубали вершины и сучья, подготавливая бревна к перевозу в Ладогу. Вестмар уже сговорился со старейшинами о найме лошадей и ждал только, чтобы выпало чуть больше снега.

Часть людей осталась в Ладоге – расчищать выделенное место от растительности. Но прежде, чем бить топором по корням бузиновых кустов, позвали бабку Вихрею.

– Бузина – опасное растение, под ней навьи живут, а ее дым ворота в Закрадный мир открывает, – как объяснила Стейну Велемила, пришедшая посмотреть. – Поэтому жечь ее вне обряда и не умеючи – нельзя, и рубить, чтобы навий не выпустить, тоже особая мудрость нужна. Я знаю, меня бабка Радуша успела обучить кое-чему. Жалко, померла она рано, мне всего десять лет было. Теперь вот у Вихреи, у вуйки Велерады, у матери, у Святобора обучаюсь понемногу.

Деленя тем временем собирался в дорогу. Народ сомневался, что в такое время года из поездки выйдет толк: Марена то заглядывала в свои будущие владения, то, словно вдруг вспомнив о неотложных делах в другом месте, отступала, и снег снова сменялся дождем, застывшие колдобины на тропках развозило грязью – ни пройти, ни проехать. На поверхности Волхова лежала серая каша из напитавшегося водой снега – ударит мороз, и все это застынет, но прочного льда, по которому можно ехать, ждать еще долго. Но там и Корочун, а в такое время вообще пускаться в путь не стоит, и жди потом чуть ли не до весны. Да и как искать ничем не отмеченные могилы под сугробами по пояс?

К тому же прошел слух, будто на развалинах Вал-города поселился кто-то чужой. Кто такие – никто не знал как следует, никто своими глазами пришельцев не видел, а так – чей-то сват заходил к чьему-то брату, обмолвился... Но Деленя забеспокоился: намереваясь сам восстановить отцовское гнездо, он не хотел ни с кем делить это выгодное место.

Собирался он в путь не один: с ним ехал сам Святобор, с целой дружиной из сыновей и прочей родни, да и многие из бывших валгородских беженцев, кто не прочь был вернуться, хотели взглянуть на родное пепелище.

– И Велеська пусть с нами едет, – заявил Святобор, когда зашел к Домагостю обсудить поездку. – Буду духа звать, а она пусть учится. Когда другой такой случай выпадет? Глядишь, еще поможет мне.

– Хочешь ехать? – спросил отец у Велемилы, затаившей дыхание, чтобы не спугнуть такую удачу.

– Еще бы! Батюшка, миленький, пусти меня! – завопила она так, что Милорада у печи от неожиданности чуть не выронила горшок и принялась ее отговаривать:

– Да куда тебе ехать! Не лето на дворе, и там не игрища! Застудишься насмерть!

Но Велемила упрямо стояла на своем, и мать вскоре отступилась. Ей не хотелось отпускать дочь из теплого дома, но она понимала, что Святобор прав. В младшей дочери она замечала наибольшее из всех своих детей сходство с собственной матерью – знаменитой волхвой Радогневой Любшанкой. Лицом на бабушку был похож и Велем, но Велемила получила в наследство немало из ее способностей. Сопровождая мать и бабушку в лес, она с раннего детства научилась слышать голоса трав – а это дано только истинной травнице. Радогнева считала, что из внучки вырастет волхва, но искусству хождения в Навий мир обучают лет с двенадцати-тринадцати, а ко времени смерти бабушки-наставницы Велемиле исполнилось только десять, поэтому учить ее взялся Святобор. Без науки внучку Радогневы оставлять не годилось – при том, какое положение в жизни ей предстояло занять, лишних знаний не будет.

К тому же Велемиле было любопытно взглянуть на это место, о котором она столько слышала. В Вал-городе ненадолго обосновался со своей русской дружиной Иггвальд Кабан, здесь же он и был разбит. Причем две ее старшие сестры принимали в битве почти непосредственное участие. Они оставались на корабле на Сяси, но вид двух молодых прекрасных богинь с пламенными волосами, одетых в варяжские шлемы и кольчуги, так потряс Иггвальда, что он проиграл поединок с Оддом Хельги. В благодарность Одд подарил Яромиле и Дивляне по золотому кольцу из сокровищ богини Торгерд⁹. Яромиле и сейчас носила это кольцо и каждый раз показывала в подтверждение, когда рассказывала о тех событиях торговым гостям или вновь подрастающим детям. Велемила тогда была еще совсем девочкой, и никто ее, конечно, не пустил бы даже и близко, но теперь-то она выросла!

Услышав вечером о поездке Велемилы, Стейн тут же кинулся убеждать дядю, что соперника нельзя отпускать одного: необходимо поехать с ним, чтобы проследить, хорошо ли он выполняет условия соглашения. Вестмар не возражал – ему было очень любопытно, на что теперь похож Валаборг. Он отнюдь еще не отказался от надежды стать когда-нибудь там хозяином. А Велемила, узнав, что Стейн тоже едет, явно обрадовалась, и это очень согрело ему душу.

Она и правда обрадовалась – ей нравилось видеть его рядом, сразу делалось весело, как в тот первый вечер после его приезда, хотелось шалить, резвиться, смеяться... Ее судьба была решена давным-давно, даже раньше, чем ей на голову надели девичью тканку и признали невестой, и Велемила не смотрела на Стеню как на «жениха», но отчего-то злилась, если замечала, что другие ладожские девицы бросают на него завлекающие взгляды. Ну а как же – варяжский гость еще молодой, хорошего рода, давно здесь известного, лицом пригож, умен, приветлив, да и не из бедных – такого всякой хочется заполучить в мужья! Как все заволновались и захлопали крыльями, узнав, что чуть ли не в первый вечер приезда Вестмаров племянник обручился со Святодарой! Как обрадовались, выяснив, что невеста перешла к дяде, а молодой жених пока свободен!

К варягам в Ладогое относились неоднозначно. Из их числа вышли многие жившие здесь искусные ремесленники (про кузнеца Бершу Варяга с дедовских времен рассказывали предания) и богатые торговые гости, но из них были и безжалостные грабители и убийцы, уничтожавшие все плоды трудов. Считалось, что с варягами выгодно иметь дело, но до конца им не доверяли и относились настороженно. Даже те, кто осел здесь насовсем и стал своим, как Вологор, муж Милорадиной сестры Велерады, порой испытывали на себе это предубеждение. Потомков заморских пришельцев во втором и третьем поколении еще в сердцах иногда име-

---

⁹ Об этом в первой книге серии – «Огнедева».

новали «варягами» – несмотря на то что большинство из них принадлежало к лучшим родам. Ну а в дальних полуденных землях «варягами» считали всех ладожан скопом.

Отцом Милорады и дедом Велемилы тоже был варяг Синеберн, и его внучка никого не боялась. Ей было приятно знать, что Стеня предпочитает ехать с ней в холод и слякоть ранней зимы, чем с Держанкой и Вереськой сидеть в натопленной избе и играть в «перстенек».

Сухим путем от Ладоги до Вал-города было ровно полтора дневных перехода. Переправившись за Волхов, следовало двигаться через леса на восток, а затем по берегу Сяси до порогов. Водный путь гораздо длиннее; он проходит по Нево-озеру, а оно, известное своим бурным норовом, среди местной чуди считалось входом в саму Бездну. С большим количеством людей или груза предпочитали все же реку, но маленьким отрядом можно было пробраться и через лес. Дочери Домагость выделил лошадь, но большинство дружины отправилось пешком. Несколько раз приходилось останавливаться, братья за топоры и мостить гати, но в целом за первый день прошли больше половины пути и заночевали в маленькой полусловенской-получудинской веси. Называлась она Негодяева Лужа, в честь деда нынешнего хозяина, носившего обережное имя Негодяй и первым поставившим избу на сухом острове среди болот. Поскольку в поход вышло всего человек двадцать, всех разместили под крышами (предложив обе бани и клетки). На пол постелили еловые лапы, сверху кошмы и шкуры, другими шкурами накрылись – печка топится, дымно, зато тепло. После целого дня в лесу, то под морозящим дождем, то под мелким снегом, промокшие и продрогшие люди жались к печке, обвесив ее со всех сторон мокрыми вещами и обувью, кашляли от дыма и утешали друг друга пословицей: дымной горести не терпев, тепла не видать!

Подтвердились слухи о появлении в Вал-городе чужих.

– Слышь ты, русь пришла! – рассказывал Смолина, хозяин избы. – На днях, на Сварожки, заезжал ко мне шурь мой Гожа, из Прибыгощевой веси, и сказывал, будто в Вал-городе не то варяги, не то русины появились.

– Русь? – в один голос повторили гости и переглянулись. В этом слове слышался лязг клинков и рев пожаров. – Что же вы молчали? Много их?

– Что еще за русь?

– А ее русские боги и ведают! Гожа-то мой сам не видел, ловец-чудин ему сказал, что возле Вал-города был. Говорят, русь – у порогов одна лодья морская лежит. Людей с два десятка будет. Они сами-то напугались, прибыгощевские. Гожа говорит, уж думали ладожского воеводу упредить, да не решились, кому идти. Кто же теперь пойдет? Справные мужики в лес на куний лов подались, а кто остался, тому недосуг ходить.

– Вовремя мы собрались! – Деленя встал, будто хотел идти немедленно, но из-за тесноты даже шаг было сделать трудно, и он опять сел. – Чужало мое сердце, что нельзя Вал-город пустым оставлять! Вот уже кто-то на него зарится!

– Давно они пришли? – спросил Доброня.

– Да перед Сварожками как раз.

– Что-то сомнительно, – заметил вполголоса Стейн. – В такое время никто не ходит по морям. К стрижке овец все возвращаются и живут дома до весны.

– И что? За данью приходили? – Святобор нахмурился.

– Пока не слышно. Да зима впереди еще долгая...

– Вот завтра и узнаем, кто это и откуда! – Деленя стиснул челюсти, ноздри его сердито раздулись. – Пока я жив, никто другой не будет во владениях моего рода собирать дань!

– Ну, двадцать человек – это еще не войско.

– Сперва двадцать, потом двести.

– А потом на трехстах кораблях, – пробормотал Стейн и посмотрел на Велемилу: помнит ли она сагу о войске Франмара?

– А мы еще девку притащили! – Доброня тоже посмотрел на младшую сестру. – Мертвецов ловить! Как бы нас не переловили. Не оставить ли ее здесь пока?

Однако Велемила решительно отказалась отставать от своих, и Доброня согласился, что держать ее на глазах и впрямь будет безопаснее. Чужая весь в глухом лесу – тоже не самое надежное место.

Утром отправились дальше. Тропа вилась по берегу Сяси – Сясьйоки, как ее называла местная чужь. До цели оставалось уже недалеко. Сначала показались сопки, вытянувшиеся вдоль реки, а потом и сам Вал-город – довольно высокий каменистый холм, дальняя часть мыса между Сясю и ручьем. Конец мыса был отрезан валом, поверх которого шел частокол, но от него теперь оставалось лишь несколько покосившихся бревен по краям. Дальше от мыса, на том же треугольнике между рекой и ручьем, лежало село – собственно, продолжение Вал-города, не поместившееся внутри частокола. Под крыло старого воеводы Хранимира сюда собирались словены и чудины, кое-кто из варягов, и Хранимир даже поговаривал в последние годы, чтобы расширить вал и захватить им «припеку», как он называл приросшие избы. Земли в ближайшей округе было мало, урожаи плохие, и хотя валгородцы распахивали клочки среди леса и сеяли ячмень и рожь, главными их кормильцами оставались лес и река. Да еще торговые гости, державшие путь к верховьям Волги и дальше на Восток. Правда, ездили мало – самый короткий путь к Волге был и самым опасным, пролегая через земли чужих и недружественных чудских племен. Бывало, что торговые гости просто исчезали, со всеми людьми и товарами – и никто не мог сказать даже, где именно.

Со стороны села действительно пахло дымом. В избышках топились печи – из заволок вырывались серые клубы. Вот между строениями замелькали люди. Святобор велел всем приготовиться, а лошадь с сидевшей на ней Велемилой оставили на опушке, под присмотром брата Витошки. Ему, как и ей, было пятнадцать, но родился он не от Милорады, а от младшей Домогостевой жены, чудинки Кевы. Довольно шуплый, он уступал сестре ростом, но был ловок, сообразителен и не растерялся бы в трудный час. Соскочив на землю, Велемила отдала повод Витошке, чтобы привязал, а сама обошла куст, выискивая место, откуда лучше видно.

Обитаемы оказались только три соседние избы, и у ладожан несколько отлегло от сердца – в трех избах приличное войско не поместится. Но и пара десятков вооруженных, крепких мужчин, привыкших добывать средства к жизни грабежом, могли принести округе много бед. Засядут здесь и будут ходить то в одну весь, то в другую, угонять скот, уносить припасы и забирать женщин. Потом обложат данью – как откуп от набегов. И вырастет здесь новый Лют Кровавый. Нет уж, как говорится, надо сразу волков истребить, пока не выносили все стадо.

При виде приближающегося отряда перед избами поднялась суета, люди выскакивали из домов и строились, образуя знакомую северянам «стену щитов». Все это действительно были северные люди, довольно неплохо вооруженные: у всех имелись щиты, почти у всех – шлемы, половина держала топоры, половина – мечи.

Кое-что в этом сразу утешило и ободрило ладожан. Один из щитов, который держали перед строем, был белым. А значит, незваные гости Вал-города не испытывали большого желания сражаться.

Шагов за десять ладожане остановились, и Деленя прошел еще немного вперед. Напротив него стоял мужчина, держащий белый щит, из-за которого, однако, выглядывало жало меча, и сама стойка выдавала опытного бойца.

– Кто ты такой? – на северном языке спросил Деленя, ни на миг не сомневаясь, что перед ним викинг. – И что тебе здесь надо?

– Я всего лишь ищу приюта на зиму для меня и моих людей, которых ты перед собой видишь, – отозвался владелец белого щита, и по его выговору Деленя заподозрил, что перед ним датчанин – редкая птица в этих местах. Даны ходили за добычей на запад, во Франкию,

Фризию, Британию и Ирландию, а на Восточном Пути промышленяли в основном свеи, реже урмане.

– Тебе нечего искать здесь, это место принадлежит мне.

– А кто ты?

– Я Деллинг сын Франмара. Мой род уже пять поколений владеет этой землей и этим городом.

– Но город разрушен и выглядит так, будто владеет им одна только Хель!

– Потому что здесь побывал один из морских конунгов, Иггвальд сын Хали. Он похоронен во-он там, за порогами. – Деленя показал острием меча за спину незнакомца, но тот не обернулся, не сводя с него настороженного взгляда. – Он разорил город, но я намерен его восстановить и править в нем, как мой отец Франмар, мой дед Бьёрн, мой прадед Франмар Вепрь, его отец Коль, сын Франмара Викинга, и сам Франмар Викинг. А он унаследовал свою власть от Ингвара Старого, конунга, который правил в Альдейгье.

– Если так, то в твоих правах трудно сомневаться, – согласился незнакомец. – Это твоя дружина?

– Это мои родичи, с которыми мы приехали принести жертвы на могилы предков. Но если ты вздумаешь оспаривать мои права, то здесь мигом соберется войско из многих сотен копий! Это ведь все люди, что ты привел?

– Сейчас – да, это все, кто остался со мной. И раз уж ты по праву владеешь этой землей, Деллинг... сын Франмара, могу я попросить тебя о гостеприимстве на зиму?

– Ты еще не назвал твоего имени, – уже не так вызывающе ответил Деленя.

Ему польстила эта просьба: принимать гостей на зиму – одна из первых добродетелей знатного и могущественного вождя, которым он стремился стать. Его отец всегда оказывал гостеприимство торговцам, ищущим, где перезимовать, а те в ответ развлекали домочадцев сагами о своих поездках.

– Да, разумеется. Мое имя – Хрёрек сын Харальда. Мой род достаточно знатен, чтобы тебе было не стыдно уделить мне место за твоим столом, и восходит к конунгу Харальду по прозвищу Боевой Зуб, а через него – и к Ивару Широкие Объятия.

Деленя присвистнул. Ивар Широкие Объятия и Харальд Боевой Зуб были героями старинных сказаний и стояли в них где-то рядом с Сигурдом Убийцей Дракона и Вёлундом, князем альвов. И если этот человек действительно из их потомков...

– Странно видеть, что родич таких могущественных конунгов ищет приюта на зиму в полуразрушенном городе! – воскликнул Деленя. Он не так чтобы хотел оскорбить незваного гостя, но не мог уложить в голове, как такое возможно.

– Судьба переменчива... и сдаётся мне, что ты об этом знаешь не хуже! – не обидевшись, ответил Хрёрек сын Харальда и наконец опустил щит и меч.

Деленя не возразил. «Наследство», доставшееся ему после Ингвара Старого и Франмара Викинга, тоже не выглядело особенно завидным.

– До меня дошли слухи, будто ты намерен собирать дань с местных жителей! – сурово продолжал он. – Предупреждаю: если это правда, вам лучше убраться или сражаться с нами! Никто, кроме меня, не имеет права брать дань с жителей Валаборга и его округи.

– Эти слухи неверны. Клянусь славой моих предков, я ни о чем еще не просил местных жителей и даже не видел ни одного из них. Я думал, признаться, что этот край совсем необитаем.

– Чем же ты собирался кормить твоих людей?

– Здесь кругом лес. Мы можем кормиться охотой, и у нас есть с собой снасти для ловли рыбы. Поверь, это будет не первый год, когда я и моя дружина будем зимовать безо всякой поддержки, кроме богов и удачи. Я прошу у тебя лишь позволения остаться на этой земле до весны и больше ничем не собираюсь тебя обременять. Если, конечно, ты не пожелаешь

пригласить меня иной раз в гости... поговорить о разных странах, об обычаях земель, о разных удивительных вещах, которые делают человека мудрее...

Он смотрел, дружелюбно улыбаясь: мол, разве это будет не замечательно? Но Деленя совершенно не собирался разрешать селиться здесь чужакам, потому что намеревался устроиться в Вал-городе сам!

– Мы должны обсудить это дело с хёвдингами округа. Двое из них, мои родичи, приехали сюда со мной.

– Тогда, быть может, ты пригласишь их зайти с нами в дом, где мы натопили печь и где не идет снег? – предложил Хрёрек.

«Какой тонкий и учтивый человек!» – отметил про себя Стейн. Делене, как законному хозяину, он предлагает пригласить гостей в тот дом, который он, Хрёрек, уже считал было своим и даже растопил там печь.

Кроме тепла пополам с дымной горестью, Хрёрек мог предложить еще и угощение – лосятину, сваренную в котле, правда, почти без соли, поскольку соль у них вышла и он сразу спросил, нельзя ли ее тут купить. Убедившись в мирных намерениях данов, ладожане вспомнили о Велемиле и Витошке, которых оставили мерзнуть и волноваться в лесу, и послали за ними Доброню. Любопытная Велемила не заставила себя упрашивать и вскоре, единственная из всех, по всем правилам на чистом северном языке приветствовала Хрёрека конунга на земле Гардов.

– Это дочь конунга Альдейгья? – уточнил тот, почти не сомневаясь, что никем иным эта прекрасная, отважная и учтивая дева, путешествующая с целой дружиной, быть просто не может.

– В Альдейгье нет конунга, ею правит совет самых знатных людей, – ответила она. – Среди них мой отец, Домагость... харсир. – Подумав, она решила, что воевода как раз соответствует военному вождю «сотни». – А также Святобор хёвдинг и другие хёвдинги, которых сейчас тут нет.

– Ведь Альдейгья где-то рядом, верно? – спрашивал Хрёрек. – Я, собственно говоря, направлялся туда, но в Карьяльском заливе был туман и волнение, и мы проскочили устье Волхова. У меня есть там одно дело... но я действительно ищу приюта для дружины на зиму.

– Я не могу разрешить тебе остаться здесь, в Валаборге, – поразмыслив, Деленя покачал головой. – Сейчас этот город плохо выглядит, но не далее как будущей весной я собираюсь отстроить его заново и поселиться здесь. Тебе же, чужаку, опасно в нем находиться. У вас почти под ногами слишком много свежих могил, и их обитатели недовольны. Ты представляешь, что они вам устроят зимой, почував, что у них над головами завелись чужаки, да еще и норманны? Северные люди виноваты в том, что этот город вымер. Вам не будет покоя ни единой ночи, а ночи зимой тут долгие...

– Защити нас Тор! – Хрёрек сделал знак молота, и Стейн отметил, что датчанин делает его так, как почитатели Крестуса осеняют себя крестным знаменем, знаком его воли и защиты. – Зачем мне ходячие мертвецы! Тогда не знаете ли вы другого места, возможно, усадьбы знатного хёвдинга, который мог бы оказать нам гостеприимство?

Стейн поймал взгляд Делени: они подумали об одном и том же. Очень хотелось задать вопрос, какого тролля ради потомок Ивара Широкие Объятия, конунга, владевшего троллевой уймой стран – без малого всеми, которые вообще известны в этой части света, – на зиму глядя бродит от дома к дому, как собака, и ищет приюта? Да имея при себе всего лишь два десятка человек? Жить ему, что ли, негде?

Видимо, этот вопрос был слишком ясно написан на их лицах, а Хрёрек отличался проницательностью. Это был еще не старый, лет тридцати пяти, крепкий мужчина, рослый, худощавый, с длинными руками и продолговатым лицом, с темными, как у многих датчан, волосами и бородой, с умными серыми глазами. Держался он учтиво, почтительно, но без робости; просил

о приюте, как-то ненавязчиво намекая, что самим же хозяевам от этого будет хорошо. Если его положение и выглядело незавидным, то он улыбался, улыбкой прикрывая стыд и словно показывая решимость никогда не отчаиваться! Притом в нем не было ни капли наглости или надменности, которыми часто прикрывают неуверенность, и Стейн подумал, что это, должно быть, неплохой человек, просто ему не повезло. А чтобы достойно держаться в плохих обстоятельствах, требуется незаурядная сила духа.

– Так вышло, что я не могу сейчас... распорядиться моими родовыми владениями, – ответил он на незаданный вопрос, – которые находятся на Тюленьем острове¹⁰. Мои предки с отцовской стороны правили там со времен самого Харальда Боевого Зуба. Но в Дании так много знатных конунгов... и так мало земли для них всех... Еще мой дядя, Хрёрек сын Хальвдана, был вынужден искать себе владений во Франкии, где и принял крещение, вместе со своим дядей Харальдом, при участии самого короля франков Людовика Благочестивого. Король выделил им землю во Фризии, и некоторое время они жили там. Позднее они пытались закрепиться на земле своих предков, в Южной Ютландии и вике Хейдабьур, но даны не приняли конунга-христианина и предпочли Хорика, сына Годфреда Грозного. Я родился во Фризии, где тогда правили Харальд и Хрёрек конунги, но оттуда им пришлось уйти, когда огромное наводнение почти смыло в море всю эту страну. После этого мы вели жизнь морских конунгов, и надо сказать, редко оставались без достойной добычи. Сам я много лет воевал в Британии, вместе с моим братом Хальвданом. И вот там нам повезло, наша многолетняя борьба с судьбой принесла удачу. В соперничестве с другими вождями мы сумели захватить власть над ирландским королевством Коннахт. Год назад королева, вдова последнего короля Мугрона, стала женой моего брата Хальвдана и вместе со своей рукой передала ему право на власть над Коннахтом. О, это длинная и увлекательная сага, и я с удовольствием расскажу ее всем, кто захочет слушать... как-нибудь долгим зимним вечером. Королева уже не молода, у моего брата тоже нет детей, поэтому единственными наследниками становятся мои сыновья, но при условии...

– У тебя есть семья? – Святобор удивился. Ему казалось немыслимым заводить семью и детей, не имея самому где голову преклонить.

– О да! Моя жена, королева Сванрад дочь Свейна, происходит из знатнейшего рода конунгов Халогаланда! У нас было несколько детей, но сейчас живы двое. Нашему старшему сыну Хакону уже шестнадцать лет, он сопровождает меня в этом походе и сейчас ушел на охоту с несколькими товарищами. А младшему моему сыну Хельги всего четыре года, и он вместе со своей матерью сейчас находится в усадьбе Свейна конунга. А сын Свейна конунга, Одд конунг, прошлой зимой однажды сказал мне...

– А-а! – вдруг закричала Велемила, будто ее укусили, вскочила на ноги и подалась вперед. Все мужчины от неожиданности тоже вскочили и схватились за оружие.

– Ты что, сдурела, девка? – возмутился Доброня, поняв, что причина переполоха не вероломство данов, а очередное сумасбродство младшей сестры.

– Я знаю, знаю! – вопила Велемила, протягивая руки к Хрёреку, будто он мог убежать, не подтвердив сверкнувшую догадку. – А я все думаю, откуда я этих людей знаю! Одд! Одд Хельги, Олыг наш, князь варяжский! Так он тебе родич?

– Съешь ты Кощей! – Святобор с размаху хлопнул себя по колену.

– Да, мой родич Одд конунг бывал в Альдейгье и сказал мне, что здесь его должны помнить... – несколько оторопев, подтвердил Хрёрек.

– Ну еще бы! – обрадовался Доброня, тоже сообразив. – Еще бы не помнить! Он и нам вроде как родич... Что же ты сразу не сказал, дурная твоя голова! А все басни какие-то плетет! Сразу бы сказал, что ты шушь Ольга князя, мы бы тебя не так встретили!

---

¹⁰ Тюлений остров – Зеландия, иначе Съялланд.

Ладожане загомонили, а Хрёрек даже слегка растерялся: видимо, не ожидал, что имя брата его жены здесь произведет такое действие. А ладожане гудели, еще не зная, на что решиться. Муж сестры, близкий родич князя Ольга, которому Ладога была обязана избавлением от Иггвальда, требовал к себе самого радушного отношения. А Доброню смущала и еще одна мысль. Хрёрек – шурь Ольга, а Ольг – отец его, Доброни, сестрича, маленького сынка Яромилы... То есть все равно родня, хоть и через две сваты. Такого не бросишь зимой в лесу – собственные чуры закроют.

Подумав, Доброня поднялся и с достоинством поклонился.

– Прошу тебя, Хрёрек конунг, с людьми твоими быть гостем отца моего, Домагостя Витоневича. Как там на всю зиму будет, это он сам решит, а я тебя прошу к нам пожаловать.

Святобор улыбнулся и слегка кивнул: он понял, в чем причина такого радушия. Хоть сынок у Яромилы Домагостевны и считается маленьким Ярилой, но все же от прыжков через купальские костры дети не рождаются – а больше от того, что после прыжков бывает. Чтобы Яромила прыгала через костер с князем Ольгом, никто не видел, зато все видели красную шелковую рубаху с золотым шитьем, в которой она принесла через год, как раз на следующую Купалу, своего трехмесячного сына к белому камню, чтобы наречь ему имя. Рубаха была Ольгова, тогда в Ладоге других таких еще не водилось. А значит, в Домагостевом доме Хрюрик этот повидается с братаничем своей жены, а сын его Акун – со своим двоюродным братом. Но эту новость пока следовало приберечь, и Святобор лишь ухмылялся в бороду.

Велемила сидела довольная, будто ее сватать пришли. В семье не принято было об этом говорить, но всех весьма занимало, вернется ли когда-нибудь Ольг в Ладогу и увидит ли своего сына. А Хрёрек, похоже, не подозревал о его существовании и не знал, что родство с маленьким беловолосым мальчиком, который еще ровным счетом ничего в жизни не совершил, обеспечит бесприютному дану такой теплый прием, которого ему не дало бы родство с Иваром Широкие Объятия и Харальдом Боевым Зубом, вместе взятыми!

– Он сидит там!!!

Велемила ворвалась в избу, едва помня себя, и застыла, вцепившись одной рукой в косяк, будто ее не держали ноги. Глаза выпучены, платок с головы упал на плечи.

– Кто? – Мужчины обернулись, прервав беседу, некоторые встали.

Стейн невольно бросился вперед, будто хотел прикрыть ее от неведомой опасности, но Святобор резко взмахнул рукой, призывая всех оставаться на месте и молчать.

– Х... хр... – Девушка не могла говорить, лицо ее исказилось, будто она сейчас заплачет, и сердце Стейна острым ножом пронзила жалость. Он не знал, что бойкая ладожская валькирия может плакать от страха.

Святобор уже все понял. Его-то неожиданная встреча с данами не заставила забыть, ради чего они все приехали в Вал-город. Не участвуя в общем разговоре, он сидел в самом темном углу возле печи, погруженный в тень, держал между колен свой волховской посох и слушал что-то, доступное ему одному, настраиваясь на предстоящее общение с духами.

Теперь, глянув на Велемилу, Святобор подошел, сначала плотно закрыл дверь, потом взял девушку за плечо и увел к печи.

– Воевода сидит? – спросил он, пристально глядя ей в лицо.

Велемила жалко закивала, держать обеими руками за горло, будто ее душили или что-то мешало сглотнуть.

Ведь еще совсем рано! Да, она хотела поучиться вызывать дух мертвого... Или для начала посмотреть с безопасного расстояния, как это делается. Святобор собирался звать Хранимиров дух не ранее полуночи, но сейчас едва темнеет, и ей казалось вполне безопасным прогуляться до нужного чулана. На обратном пути в избу она просто повернула голову и посмотрела туда,

где земля провалилась над пятью большими ямами наспех зарытых могил... Хорошо, что она успела сходить куда было надо, а не то все могло бы кончиться еще хуже.

Когда дружина Иггвальда однажды весной три с половиной года назад захватила Валгород, он достался им полуобгорелым и усеянным трупами. Викинги подошли на рассвете, справедливо рассчитывая захватить жителей врасплох, но их успели заметить – хозяйки к коровам выходят рано. Поднялась суета – одни бросились в лес, другие – в город, под защиту частокола и воеводы Хранимира. А когда оказалось, что находников слишком много и отбиться не получится – бежать уже было поздно. Ворвавшись в переполненный городок, викинги убивали всех, кто попадался. Загорелась одна изба, потом другая, пламя и дым увеличивали всеобщее смятение. Обезумевший народ валом валил прочь, через разрушенный частокол, и некоторым удалось спастись. Но большая часть жителей погибла, а вместе с ними сам воевода с двумя старшими сыновьями. Город сгорел, и значительная часть трупов осталась под углями. Но многие лежали снаружи – на лугу, между избами села. Подавив последнее сопротивление и разогнав по избам пленных, люди Иггвальда остались перед десятками трупов. Выбрав оттуда свои, они погребли их по обычаям. Надеясь собрать дань и нуждаясь в пристанище на время заживления ран, Иггвальд намеревался пожить в захваченном Валаборге еще какое-то время. Поэтому от трупов нужно было избавиться. Тех же пленных заставили рыть ямы, покидали туда останки, в том числе полуобгорелые с городища, потом забросали землей. После первой зимы могилы провалились, и теперь на их месте зияли вытянутые ямы, заполненные стылрой водой, палой листвой и жухлой травой.

Святобор еще при свете дня обошел жальник, поясняя Велемиле, которая с непривычной робостью следовала за ним:

– Волхвы ведают: душа из тела выходит с ослепительно ярким сиянием, глазам больно и ничего вокруг не видно. Только видит это сияние не всякий, а у кого Вещее Око отворено. Когда душа уходит, то оставленное ею тело светится отголосками силы еще небольшое время. Волхвы, служащие Марене, умеют эту силу собирать. Потому-то и радеют¹¹ на могилах. Если умерший на краде сжигается, то вся сила выходит за тот срок, что тело сгорает. Если же покойный в земле лежит и огонь связь души с телом не разорвал, то сила по капле будет сочиться – долго-долго, пока тело в прах не обратится. Трех лет для этого недостаточно, а душа при таком теле будет пребывать между Навью и Явью, и ни Навь вперед, ни в Явь назад ей ходу нет. Страшны для живых такие пленники, что жаждут или людской силой напиться и в Явь воротиться, или освобождение получить и в Навь удалиться.

Все пять могил возле Валгород светились ощутимо. Еще бы – сотня покойников там мается.

– Что же раньше-то не подумали? – сам себя корил Святобор. – Не свое, не рядом – и не до того было. А как теперь знать, кто этой силой кормился и для чего употреблял? Да уж поздно причитывать, надо дело делать.

Сейчас, как во все сроки поминальных велик-дней, когда Явь и Навь сближаются, свечение от могил было особенно сильное. Закрывая глаза, Велемила тоже видела его, кончики пальцев покалывало. Но она никак не ожидала, что дух старого воеводы прямо выскочит ей навстречу, едва дождавшись темноты!

– Как ты его видела? – спросил Святобор у девушки.

– Сидит вот так. – Она съжилась, опустила голову, сложила руки перед грудью. – И вроде как на меч опирается, а меч концом в землю погружен. Сидит, не шелохнется.

– Не глядел на тебя?

– Нет, слава чурам! Я бы умерла на месте!

– Но ты верно его узнала? – тревожно спросил Деленя.

---

¹¹ Радеть, совершать радение – то же, что шаманить, то есть проделывать магические действия (обычно в трансе).

– А как же!

– Запомнила место?

– Вторая могила от реки.

– А что случилось? – в это время спросил Хрёрек у Стейна. Разговор велся по-словенски, он ничего не понимал, но видел, что произошло нечто особенное.

– Девушка видела на могиле привидение, – коротко пояснил Стейн.

– Это меня не удивляет, – к изумлению самого Стейна, ответил датский скиталец. – И я, и мои люди каждую ночь видим там, на поле, голубоватые огни. Мы заметили их еще в первую ночь и с тех пор стараемся не выходить в сумерках. Верно, Хакон?

Его сын к тому времени вернулся из леса, привезя целую связку тетеревов и одну косулю, что пришлось очень кстати. Это оказался похожий на отца молодой парень, такой же темно-волосый, с продолговатым лицом и смышленного вида. Черты лица у него были тоньше, а волосы вились и лежали красиво, несмотря на то что были порядком грязны. На охоту его сопровождали трое таких же, как он, юных викингов; Витошка мгновенно с ними перезнакомился, и эти пятеро устроились в углу своим кружком. При этом, как сразу заметил Стейн, Хакон сын Хрёрека часто бросал взгляды туда, где сидела Велемила. Из-за этого молодой дан ему не слишком нравился. Правда, его несколько утешило оброненное замечание Хрёрека, что у него уже есть на примете невеста для сына... но о ней он говорил как-то туманно, будто сам не был уверен, есть она или нет. Должно быть, догадался Стейн, Хрёрек хочет посватать для своего отпрыска дочь какого-нибудь могучего конунга или хёвдинга, который поддержит его в борьбе за владения в Дании или Франкии, да не уверен, что тому нужно это родство. Ну, точно как в саге об Ингваре: «Имеешь ли ты земли и подданных, или захватил в походах большие богатства и завоевал славу, чтобы быть достойным породниться со мной?» – «Я думаю приобрести все это после того, как породнюсь с тобой».

Но известие, принесенное Велемилой, прервало этот разговор.

– А он не опасен для живых? – спросил Хрёрек у Святобора. – Мы, правда, просили отца Брендана силой святой молитвы отогнать мертвецов, но иные мертвецы так сильны, что и молитва не помогает.

– А где сам Брендан? – спросил Деленя. – Сам в поход не пошел, отца послал старого?

– Да вот же он – отец Брендан.

Хрёрек показал на одного из своих людей: мужчину средних лет, которого выделяла из прочих удивительная прическа. Волосы с передней части головы были сбриты, так что образовалась широкая лысина от уха до уха, зато сзади росли пышной гривой. Бороду он тоже брил, а одеждой ему служила длинная рубаха из грубой некрашеной шерсти, овчинная накидка и такой же простой шерстяной плащ. В тепле избы, когда он снял плащ, при свете огня стало видно, что на груди у него висит бронзовый крест ирландской работы.

– Чей отец? Брендан – это его отец или он сам?

– Да нет же, он сам, но отец он не в том смысле! – Хрёрек засмеялся. – У него нет никаких сыновей, кроме духовных. Отец Брендан – священник, аббат монастыря Святого Колума Киле. Он сопровождает нас в этом походе, чтобы передать... одно поручение. Сила святой Христовой молитвы отгоняет нечисть, вот мы и надеялись, что он сможет защитить нас.

– Так вы христиане? – догадался Стейн.

– В целом, да. – Хрёрек почесал бороду, будто был не совсем уверен в истинности своих слов. – Я принял святое крещение во Франкии, а мой сын – во Фризии. И многие из наших людей тоже, потому что мы долго жили в христианских странах.

– Но большинство из нас думают, что важнее всего полагаться не на богов, а на свою силу и удачу! – добродушно закончил Гуннульв, один из его спутников. – Страны меняются, боги тоже, но если у человека есть удача, она будет с ним на море, на суше и даже в Валгалле!

– Я думаю, от воеводы Хранимира нам вреда не будет, – заметил Святобор, но не сразу, а будто прислушавшись к происходящему за стенами дома. – Вот что: коли воевода сам сказался, мне идти радеть незачем.

– Ты не пойдешь? – удивился Деленя.

– Нет. – Святобор бережно поставил свой волховской посох к стене за печкой. – Сам сказался, теперь знаем, где его кости, так и зачем я пойду, только Марену даром дразнить. Это не круги водить под березой – в Навь чем меньше соваться, тем лучше. А как его успокоить, я и сам знаю.

Стейн тем временем подсел к Велемиле и незаметно сжал ее руку, стараясь подбодрить.

– Да ты, оказывается, ясновидящая! Может, научишься предсказывать будущее, и слава о тебе пойдет по всей стране. Все богатые хозяева станут приглашать тебя на пиры, сажать на самое почетное место, подносить лучшее угощение.

– Без почетного места я и так не останусь, – с удивительной мрачностью отозвалась Велемила. – Так страшно! Я знала, что он там... И другие тоже. Но я там одна, а он – сидит!

– Ваш еще смиренный, – шептал Стейн ей на ухо, желая развеселить девушку, но стараясь, чтобы его не слышали другие, особенно Деленя. – А представляешь, как людям было страшно, когда Трюгвард хёвдинг по ночам сидел у них на коньке крыши, бил пятками по скатам и выл! А еще он пролезал людям в дома и кидал в них камни, когда все сидели за столом. Хорошо, если попадал в кашу, но одному бонду он попал камнем прямо в голову, и тот от этого умер! Помнишь, я тебе рассказывал, за это убийство Трюгварда вызвали на суд, но он не явился.

– Вот будет дело, если Хранимир теперь придет ночью к Творинегу, сядет на крышу и начнет камни в кашу кидать! – Велемила фыркнула от смеха и прикрыла рот ладонью, тоже с опаской косясь на Деленю. – Он Творинегу всегда не любил.

– Это у которого мы кур воровали? О тролли! – Стейн вдруг застыл, и на лице его отразилось самое искреннее сожаление.

– Ты чего?

– Этот драчливый лось меня уел! Теперь и у них в роду есть приткий покойник!

Велемила прыснула от смеха, зажала себе рот, другой рукой вцепившись в руку Стейна, и он уже совсем не жалел о том, что утратил свое «преимущество» перед родом Делени. Они шептались, пока все не собрались ложиться спать; Велемила прижималась к нему плечом, Стейн чувствовал на щеке ее дыхание, их волосы соприкасались, и все внутри обмирало, его томило желание сжать ее в объятиях. Он даже не всегда слышал, что именно она говорит, и отвечал невпопад. Все это так его воодушевило, что когда Святобор и прочие ладожане собрались идти в другие избы спать, Стейн вызвался выйти первым.

Зажгли несколько факелов, Святобор снова вооружился посохом. Стейну мигом представилось, как за порогом возникает мертвец – с дико выпученными глазами, всклокоченными волосами и ухмылкой на сорок зубов, – а Святобор бьет его волховским посохом прямо по лбу! Это показалось ему настолько забавным, что он еще раз оглянулся на Велемилу, стоящую между Деленей и Доброней, и улыбнулся, а потом бестрепетно шагнул на порог.

Он был уверен, что никого там нет.

И действительно, никакого свечения на могилах не наблюдалось, только ветер шумел над лесом. Шел мелкий дождь, отчего факелы мигали, но никто не бросался на них из темноты, и они благополучно достигли изб, которые еще при свете выбрали себе для ночлега. Там уже были постелены прямо на пол еловые лапы – утвари почти никакой не сохранилось, растащили где бывшие жители, перебираясь в другие места, а где просто случайные люди. За три года здесь неоднократно проходили из Варяжского моря торговые гости: брошенные дома Валаборга они использовали как бесплатные гостиные двory, а годную утварь прибирали к рукам. Особо бессовестные даже лавки порубили на дрова и нужду, судя по застарелой вони, справляли прямо в сених. Возвращаться, что ли, не собирались?

Не слишком доверяя друг другу, и датчане, и ладожане на ночь выставили дозоры возле своих изб. Всю ночь дозорные косились друг на друга и в сторону могил, но больше ничего не заметили. Наверное, воевода Хранимир, один раз показавшись, счел, что этого достаточно. А может, способностью увидеть его обладала здесь только Велемила, но она больше не высывала нос наружу, пока полностью не рассвело. Стейн с четырьмя товарищами-варягами тоже отстоял свою стражу, но все было спокойно; прогуливаясь вокруг избы, где спала Велемила, он думал о ней, мечтал и чувствовал себя счастливым, несмотря на темноту и влажный холод. Ее близкое присутствие, память о вечере, проведенном вместе, согревали его. Иногда он подходил погреться к костру, который всю ночь горел перед избами, и мысли о мертвецах не тревожили. Мелькнуло даже было подозрение, что явление воеводы Хранимира Велемила выдумала, но его Стейн отверг: она могла бы пугать девушек на павечернице, но не посмела бы обманывать Святобора!

Весь следующий день ладожане были заняты подготовкой погребальных обрядов: рубили и носили из леса дрова, раскладывали по кругу на каждой могиле. Велемила с помощью отроков варила сразу на нескольких печах кашу и пекла блины: души предков питаются паром от пищи, и ее следует предлагать им еще горячей. Угощение разложили на всех пяти могилах, часть отнесли на старые сопки, где лежали все прочие предки Делени, до самого Франмара Викинга. Святобор ходил вокруг ям со своим посохом и приглашал души покойных угощаться. Потом развели костры, чтобы обогреть души, поставив наземь перевернутые горшки из-под поминальных треб.

Восславися, внук Дажьбожий, Хранимир Бьёрнов сын,
И все родичи твои и товарищи
Во роду небесном!

– провозглашал Святобор.

Помянут будь, внук Дажьбожий, Хранимир Бьёрнов сын,
На лугах Велесовых!
Славен будь, внук Дажьбожий, Хранимир Бьёрнов сын,
Во полку Перуновом!¹²

Стейн, слушая это, задумался: можно ли Хранимира назвать внуком Дажьбожьим? Ведь конунги северных стран называют себя потомками Одина. Он покосился на Хрёрека: тот внимал с почтительным видом, хотя совсем не разумел по-словенски, и сын его стоял рядом, старательно отдавая долг уважения к хозяевам земли, к которой их прибило волнами. Отец Брендан стоял в стороне и тоже шептал что-то. Едва ли он молился за варваров, не знавших Христа, скорее, стремился защитить себя от языческих бесов, к которым обращался Святобор.

На поминальной трапезе в честь погибших, которую ладожане устроили в избе, Хрёрек с сыном и несколькими приближенными тоже присутствовал. Стейн так и не понял, почему Святобор, Доброня и Деленя сочли возможным, после жаркого обсуждения вполголоса, допустить их к участию в трапезе по такому, казалось бы, чисто семейному делу. Ради их родства с халогаландцем Оддом сыном Свейна – но он сам-то здесь при чем? Стейн тайком спросил Велемилу о причине такого удивительного радушия, но она отвечала как-то уклончиво.

– Ну, сейчас они нам не родня... – Она улыбнулась каким-то своим мыслям. – А может, придет время, и будут родня...

---

¹² Славянский Заговорник (Велеслав).

Стейн в недоумении посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Хрёрека и Хакона. Уж не на эту ли невесту для сына Хрёрек намекал? Конечно, еще вчера утром они не знали о ее существовании, но вполне могли заранее замышлять женитьбу на девушке из семьи какого-нибудь местного хёвдинга – чтобы получше закрепиться в чужом краю. Мысль эта как громом его поразила. А Велемила, видя его потрясенное лицо, только рассмеялась и ушла к печке, где шкворчали на глиняной сковороде блины.

Вопреки печальным обстоятельствам и неприятной обстановке, поминальное пиршество прошло хоть и скромно, но хорошо. Поговорили о Хранимире и его сыновьях, вспомнили Бьёрна Красноречивого и даже отметили, что по сравнению с прочими свеями этот был еще ничего... Хрёрек весьма оживил беседу. Он оказался довольно любопытен и хотел все знать о крае, куда его занесла судьба. Дотошно выпросив все о роде валгородских воевод, он задавал всем множество других вопросов. Откуда течет эта река? Какие еще есть на ней поселения? Многолюдна ли округа? А где живут здешние люди? Чем они богаты? Кто ими управляет и каким образом? Неужели тут нет ни одного конунга? Чем торгуют, какие товары отсюда вывозят и какие ввозят? Говорить о торговых путях ладожане предоставляли Стейну, но он сидел мрачный, расстроенный намеками Велемилы и собственными догадками. Правда, не похоже, чтобы Хрёрек или Хакон уделяли девушке внимание: они разговаривали в основном с мужчинами. Но, может, они просто хотят сперва удостовериться, достаточно ли знатен и могуч «Домагест харсир» и поможет ли родство с ним завоевать богатство и власть? Вот Хакон переместился к Витошке, а тот сидел бок о бок с Велемилой, и наследник Хрёрека оказался совсем рядом с девушкой. Они болтали о чем-то втроем, но Стейн почти ничего не разбирал, поскольку сидел довольно далеко, а говорливый Хрёрек помещался между ним и девушкой.

– А кто этот парень в вязаной шапочке? – тем временем шепнул Хакон, наклонившись к Велемиле и глазами показывая на Стейна. – Это, случайно, не сын твоего воспитателя?

– Кого? – удивилась Велемила. – Какой сын? Он сын... я не помню имени его отца, но его дядя по матери – богатый торговый человек, он зимует в Альдейгье.

– А я подумал, что это сын твоего воспитателя и что он в тебя влюблен. Уж больно злыми глазами он смотрит на меня. – Хакон улыбнулся, уверенный, что к нему очень даже стоит ревновать. Ему было всего шестнадцать, но за время многолетних странствий с отцом он столько повидал и столько пережил, что мог считать себя зрелым мужем.

– К тому же, судя по его виду, он недавно с кем-то подрался, – добавил Бирнир, сын воспитателя самого Хакона и вследствие этого его ближайший приятель с детства.

– Я знаю, с кем. – Хакон показал глазами на Деленю, у которого тоже всюду цвели на лице синяки и ссадины. – Кулаки у обоих ободраны одинаково.

– Да это опасный человек! – Бирнир поежился, и оба залились смехом. – Он, верно, думает, что ты приехал в Альдейгью, чтобы посвататься к дочери хёвдинга.

– Наши невесты дорого стоят! – поддразнила их Велемила, но эта мысль ей понравилась.

Разве она не заслуживает того, чтобы к ней сватался сын конунга? Она не слишком разбиралась в древних северных вождях, всяких там Иварах и Харальдах, но смутно помнила, что иметь среди предков Харальда Боевого Зуба и еще Рагнара Кожаные Штаны – это очень даже неплохо! Вологор много занятого о них рассказывал по зимам.

– Уж я надеюсь, у меня хватит денег! – воскликнул Хакон, и оба они с Бирниром опять покатались со смеху, который Велемиле даже показался обидным. Видя, как она надменно поджала губы и отстранилась, Хакон перестал смеяться, сделал почтительное лицо, подвинулся по скамье вслед за ней и доверительно шепнул: – Я и правда намерен найти себе невесту на Восточном Пути. Я слышал об одной подходящей девушке. Скажу больше: ради встречи с ней мы и приехали. Правда, нам предстоит немало потрудиться... Но пока я не могу сказать тебе больше, – закончил он, многозначительным взглядом ответив на взгляд Велемилы, в котором горело любопытство.

Она даже отвернулась, чтобы скрыть волнение. Что Стеня ревнует – это видно. Но неужели он прав? Неужели Хрёрек привез своего сына, чтобы посвататься... к ней, Велемиле? По своему роду она – вполне достойная невеста даже для сына конунга, в этом ничего необычного нет. Женится же киевский князь Аскольд на ее родной сестре Дивомиле, и она теперь – его княгиня. Но откуда они узнали о ней и ее семье? Впрочем, ясно откуда, сама себе тут же ответила Велемила. От князя Ольга! Он-то знает, что у ее отца есть еще дочери, и мог сказать об этом мужу своей сестры. И вот они приехали... Ну, точно как в саге о Франмаре! Тот был знатен, но не богат и не имел никаких владений. Хрёрек тоже, хоть и ведет род от самых могучих древних конунгов, не имеет угла, где перезимовать. Брак с дочерью какого-нибудь из влиятельных людей – для него единственный способ прилично устроиться. Не для того же Франмар Викинг стремился к Ингебьёрг, чтобы один раз ее поцеловать! Да он ее и не видел ни разу до этого, может, она страшна была, как марушка нечесаная¹³. Нет, он стремился к владениям и власти ее отца, зная, что у того нет других наследников. А что с тех пор изменилось?

«Ничего у тебя не выйдет!» – мысленно поддразнила Хакона Велемила. Она уже сговорена, и желающим к ней свататься сперва придется разобраться с тем, кому она предназначена. А лихо было бы, если бы два князя из-за нее передрались! Тогда все знали бы, что и она не хуже Дивляны!

Воодушевленная этой мыслью, Велемила сквозь опущенные ресницы тайком рассматривала Хакона. Пусть из этого ничего не выйдет, но она мысленно примеряла к себе этого жениха, как платье из миклагардского шелка: хорошо ли будет? Метнув взгляд на сидевшего напротив Стеню, она увидела на его лице выражение такой досады и несчастья, что ей даже стало смешно, и она поспешно прикрыла рот ладонью.

Но вскоре она забыла о сватовстве: Витошка, Хакон и Бирнир стали втроем подбивать ее еще раз выйти и посмотреть, не сидит ли теперь на своей могиле старый воевода.

– Да ты боишься! – шептал Витошка, стараясь, чтобы не услышали старшие. – Вцера цють подол не обмоцьила, больше ведь не пойдешь, ты ведь не дура, да?

– Сам ты портки обмоцьил! Чудо чудинское! – как бывало Велем, поддразнила его Велемила. Сын чудинки, Витошка «цокал», как многие дети от смешанных браков. Домагость в таких случаях давал ему подзатыльник и приказывал говорить правильно, но сейчас отца не было рядом и Витошка не следил за речью.

– Ты, должно быть, одарена особенной способностью видеть духов! – подпевал ему Хакон, в душе озорной и любопытный, даром что сын конунга. – Никто из нас не видел привидения на этих могилах, а мы ведь провели здесь девять или десять ночей! Мы видели только синие огоньки, но сам тот мертвый хёвдинг показался только тебе! Сходи, может быть, он захочет еще что-то передать вам от богов!

– Он больше ничего не будет говорить. Его душу обогрели, накормили и указали дорогу в Иррий.

– Куда?

– Ну, можете считать, что в Валгаллу. – О Валгалле она знала от Вологора. – Он ведь знатного рода и погиб в битве.

– А раз он уже там, то и бояться нечего! – обрадовался Бирнир. – Ты смело можешь выйти и убедиться, что его там нет!

– И вы, доблестные мужи, можете выйти со мной и тоже убедиться, что его там нет! – отозвалась Велемила. – Идемте! Или боитесь портки обмоцьить? – Она бросила ехидный взгляд на Витошку.

– Мы ничего не боимся! – на двух разных языках, но очень дружно ответили те двое.

– Тогда идемте.

---

¹³ Марушка – русалка (живущая в хлебном поле).

– Ты первая! Если он там все-таки есть, то мы не будем выходить, – помрачнев, добавил Витошка. – А то вдруг он сидит, а мы не увидим и будем стоять рядом с ним, как дураки.

Велемила хотела сказать, что они и есть дураки, но промолчала. Еще откажутся, а одна она не пойдет и будет потом всю ночь мучиться: сидит воевода на могиле или не сидит?

Она незаметно поднялась и стала, спиной вдоль стеночки, просачиваться к двери. И уже возле самого порога кто-то вдруг крепко взял ее за руку. Хорошо, что она еще была внутри дома и видела огонь, горящий в открытом очаге посередине. Иначе и правда могла бы что-нибудь «обмощить».

– Ой! – Вздрогнув, она обернулась и увидела рядом хмурое лицо Стейна. – Сдурел, что ли! – Велемила даже рассердилась. – Ты чего – подкрался, как букушка страшная!

– Куда это ты собралась? – Стейн метнул быстрый подозрительный взгляд на Хакона, который тоже явно намеревался выйти и ждал подходящего случая.

– А твое какое дело?

– Мое дело... Мне-то никакого дела! – злобно ответил Стейн. – Но только я вижу, и люди видят, что ты весь вечер шепчешься с этим парнем, а теперь вы еще вдвоем с ним собрались прогуляться в темные сени! Снаружи-то ведь слишком холодно для таких дел!

– Что ты несешь! – Велемила в гневе вырвала руку. – Как ты смеешь!

– А ты как смеешь? Ты с ним знакома второй день, а уже собираешься с ним целоваться! Или у вас более широкие замыслы?

– С тобой я была знакома один день, а ты тоже был явно не прочь со мной поцеловаться! – сердито прошипела Велемила ему в лицо, чтобы больше никто не услышал. – А больше ты ничего такого никогда не дождешься! И не лезь в мои дела! Ты мне не воспитатель! И тем более не его сын! – Она усмехнулась, вспомнив, что ей говорил Хакон.

Вот Хакон насчет Стени был прав. А Стеня вообразил себе невесть что!

– Цыто ты к ней пристал? – между ними протиснулся Витошка, силой оттирая Стейна от своей сестры.

– Он не пускает меня из дома!

– А ты, похоже, готов отпустить твою сестру гулять в темноте с этим парнем? – Стейн глазами показал на Хакона, который вдоль той же стеночки продвигался к ним.

– Да ты цыиво подумал? – оскорбленный Витошка попытался взять Стейна за рубаху на груди, но Стейн был на три года старше, а в этом возрасте это еще важно, и без труда отодвинул отрока от себя. – Морда варяжская!

Велемила не выдержала и засмеялась.

– Теперь буду тебя дразнить мордой варяжской! – сказала она брату.

– Так мы идем? – К ним наконец протиснулся Хакон. – А то на вас уже все смотрят.

Все четверо обернулись к столу: старшие действительно посматривали на них.

– Хакон, ты ведь не вздумал подражаться с кем-то из этих достойных молодых людей? – заботливо осведомился Хрёрек.

– Или вам в нужник надо, а выйти боязно? – усмехнулся Доброня.

– Мы все вместе пойдем, и нам не страшно будет! – Велемила невинно улыбнулась и шепнула, не поворачивая головы: – Ну, пошли же, дураки!

Она взяла одной рукой за рукав Витошку, другой – Стейна, и дружной связкой все четверо вывалились в сени. С воплем: «И я с вами!» – к ним метнулся Бирнир, и старшие проводили его смехом.

Оказавшись снаружи, в темноте и холоде, все сразу остыли и притихли. Стейн крепко сжал пальцы Велемилы, намереваясь ни в коем случае не подпустить Хакона к ней близко. И она не стала отнимать руку: ее пробрал озноб, то ли от влажного холода, то ли от страха, и хотелось иметь рядом какую-то теплую, живую и надежную опору. Резкий стылый ветер сразу

привел в чувство, и стало совершенно очевидно, что самое разумное в такое время – сидеть в избе возле очага!

– Надо было взять огня! – вполголоса заметил Хакон.

– Кто же мертвецов искать ходит с огнем? – возразил Бирнир. – Тогда они не показываются. Это тебе не раков ловить!

Оба зафыркали от смеха, но Велемила дрожала так, что зубы стучали, и было ей не до веселья.

– Ты где? – Витошка в темноте нашел другую ее руку. – Совсем ницьиво не видать.

– Как у тролля в заднице, – буркнул кто-то из юных данов.

Луна опасливо бродила где-то за облаками, подсвечивая снег, и, когда глаза привыкли к темноте, стало можно различить дорогу: вот чернеют избы, вон там – сгоревшее городище на холме и за ним река, а там – лес.

– Идемте, – выговорила Велемила и потихоньку двинулась вперед, ведя за собой, как двух бычков на веревочках, Витошку и Стейна.

Витошка явно боялся идти без нее, а она боялась идти без Стейна. Все-таки он был прав, что не хотел ее выпускать из дома, с запоздалым раскаянием подумала она. И какой Встрешник их понес? В избе, у огня, все кажется забавным. А вот тут... ну и жуткая жизнь ее ожидает, если ей достались по наследству способности бабки Радуши!

Хакон и Бирнир шуршали подошвами позади, изредка ругаясь шепотом, если спотыкались на замерзших колдобинах, покачивались и хватались друг за друга. Вот закончился порядок изб, впереди была луговина, а могилы – почти на самом ее краю. Викинги Иггвальда не выбирали места – им ведь здесь не жить и не пасти коров.

– Далеко идти? – шепнул из-за спины, кажется, Хакон, но тут Велемила остановилась и те двое наткнулись на троих идущих впереди.

А она увидела перед собой, на темной луговине, голубоватое сияние. Словно облачко искр реяло над могилой, второй с краю, той, где она вчера видела сидящего воеводу и где сегодня приносили особенно богатые требы. Или не искр... а скорее это было нечто, похожее не то на хлопья пепла, не то на сухие листья. Но только листья эти не опадали сверху наземь, а наоборот, поднимались с земли; медленно кружась, они улетали куда-то вверх, уносимые неведомой силой, и исчезали в черном воздухе.

Этих хлопьев становилось все больше, они собрались вместе и образовали что-то вроде столба, а потом Велемила вдруг различила, что это не столб, а человек. Она узнала воеводу Хранимира, но сейчас он выглядел не как вчера. Он стоял выпрямившись и расправив плечи, сложив руки на рукояти меча, упертого концом ножен в землю; вид у него был величественный, волосы красиво лежали, на груди сияла золотая гривна. Так он выглядел четыре года назад, когда после свадьбы приезжал с молодой женой на «отводы»¹⁴ к Святобору. Сейчас он смотрел прямо на Велемилу, и она не могла ни пошевелиться, ни моргнуть, ни сглотнуть под его взглядом.

– Скажи им, что я ухожу, – заговорил он. Или это ей казалось – призрак не разжимал губ, а его низкий голос, без всякого выражения, будто говорит камень, звучал прямо внутри ее головы. – Оставьте варгам место проклято, место пусто. Идите на живое, а их не пускайте, иначе ни жилья, ни могилы, ни имени, ни памяти в роду земном не останется. На краю бездны не будет счастья ни роду варяжскому, ни роду словенскому, ибо испокон веку мечом эта земля вспахана, костями засеяна, кровавым дождем полита. Идите на небо – туда дорога лежит светлая. Кто пойдет туда – станет деревом многоцветным, чьи ветви всю землю покроют. А кто останется – сгинет, рухнет, будто дерево сухое. Не держитесь за бездну, идите к небу...

---

¹⁴ Отводы – заключительный этап свадебного обряда, когда молодые приезжают в гости к родителям жены.

А потом Велемила осознала, что ее уже некоторое время тянут сразу за обе руки. Она наконец моргнула – впереди была черная пустота. Как разбуженная, она пошевелилась, дернулась, чтобы освободить руки из оков, и закрыла ладонями лицо.

– Ты чего? Боишься? Не бойся, ничего нет! – Стейн обнял ее за плечи, и одновременно Витошка взял ее за локоть:

– Ты цыво застряла-то?

– Вы его видели? – еле сумела выговорить Велемила.

– А ты видела? – Ее окружали недоверчивые и недоуменные лица, слабо различимые в отблесках лунного света.

– Я видела. Он был там. Он мне сказал...

– Что сказал?

Велемила уже поняла, что никто ничего не видел и не слышал. Более того: все уверяли, что она простояла неподвижно всего пару вздохов, как они сразу начали ее теребить и она подала голос. А ей казалось, что она очень долго смотрела на светящиеся листья, очень долго рассматривала воеводу Хранимира, красивого, будто жених, и так же долго он говорил с ней. Он сказал что-то очень важное... но мысли расплзались, как муравьи, Велемила не могла вспомнить ни одного слова.

Стейн развернул ее лицом к избам и за руку повел обратно. Хакон и Бирнир обменивались разочарованными возгласами, но Велемила пошла назад весьма охотно. Все, что можно, она уже увидела. Похоже, старания Святобора не пропали даром и дух воеводы Хранимира нашел путь в Светлый Ирий. Но он сказал что-то плохое. Не похоже, чтобы он обещал своим потомкам счастливую жизнь и процветание рода.

– Ну, что, видели кого? – осведомился Доброня, когда они вернулись.

– Все спокойно, – ответил за всех Стейн. Он ведь и правда ничего не видел.

Назавтра тронулись в обратный путь, прихватив с собой и датчан. Свой корабль им пришлось оставить у порогов: вести его через Нево-озеро и Волхов погода уже не позволяла, но кто его здесь тронет? Никого тут не будет до весны.

Велемила выглядела бледной: она почти не спала ночь, а все ворочалась, лежа между Витошкой и Доброней. Видя, как даны выносят свои пожитки, надевают на спины короба с привязанными кошмами и овчинами, вешают на плечо копьё, а с другой стороны – щит, чтобы еще отчасти прикрывал голову от дождя, она думала, что напрасно Деленя не хочет оставить их здесь, в мертвом Вал-городе. К утру она успокоилась, мысли отстоялись, будто муть осела на дно, и она почти все вспомнила. Но не была уверена, что действительно все: многое ей оставалось непонятным. Дух воеводы явно не приветствовал намерение сына вернуться и возродить старое гнездо. Вот странно! Разве он не хочет, чтобы к его могиле каждую весну приходили с угощением внуки и правнуки? Почему велел оставить Вал-город чужакам? Он сказал «варгам» – этим старинным словом северного языка обозначался и чужой, и волк, и преступник, изгнанный из своего рода. От него-то, как говорят, и произошло наименование варягов. Кого он имел в виду? Хрёрека с его людьми?

Но очень хорошо она понимала, что нет смысла говорить об этом Делене. Он любит Святодару и хочет стать тем, кем был на Сяси его отец. Он не откажется ни от отцовой жены, ни от отцова города. И если она ему расскажет о видении, он ей не поверит. Вон, эти четверо, кажется, не поверили даже, будто она что-то видела! Конечно, утаивать такое важное пророчество она не имеет права. С кем-то придется поделиться. Лучше всего с матерью. А та наверняка велит рассказать Святобору. Что же – Велемила расскажет. Ведь ее вины нет в том, что это место пусто и проклято. «Не держитесь за бездну, растите к небу...» Кому это сказал Хранимир – Делене? Или ей самой? Или всем, кого оставлял в мире живых?

Она обернулась, сидя в седле. Снова пошел мелкий снег, оседал на черных крышах покинутого «припека», где больше не дымили заволоки и не пахло жилым.

Стейн шагал рядом с ее лошадыю, и его присутствие успокаивало ее. Вот дурной! Она усмехнулась про себя. Вообразил, будто она собралась с Хаконом в сени, чтобы... ну, понятно. Очень ей надо! Тоже сокровище – парень как парень, а что сын конунга, то ее отец в десять раз больше конунг в Альдейгье, чем Хрёрек – хоть где-нибудь. Теперь ей даже не хотелось думать о его возможном сватовстве, и все вчерашние мысли об этом казались глупостью. Хотелось домой, в тепло. А ехать еще два дня, и как пройдет переправа через Волхов? Только бы не похолодало, иначе они застрянут на восточном берегу, пока лед не окрепнет. Придется в Любшине жить – а там тоже старое пожарище вроде валгородского, только что заросло погуще. Или проситься к Тешеню в Гусельцы. И какой Встрешник понес ее в этот Вал-город!

Глава 4

В Ладоге появление Хрёрека с дружиной вызвало всеобщее удивление: в тяжкую пору распутия, когда ни плыть, ни ехать, в начале зимы, когда самый отчаянный морской конунг уже находит место для зимовки в теплом доме, гостей никто не ждал. Доброня намекнул отцу, что к ним пожаловали дядя и двоюродный брат его внука, и Домагостю пришлось задуматься, куда их девать. Пока гостиный двор еще свободен, но вот-вот нагрянет все сродье, приглашенное на имянаречение другого внука, и что делать тогда?

Люди Хрёрека переносили свои скудные пожитки из лодок, в которых переезжали через Волхов. Ладожане, свободные от работы, сбегались было на них поглядеть, но быстро разочаровались. Приезжие явно не привезли с собой товаров, судя по убогости поклажи, сами были одеты бедно, так и чем любоваться? Эка невидаль – варяги! Обычные люди, усталые и продрогшие.

Толпа расходилась, и лишь один человек при виде гостей испытал настоящее потрясение.
– Отец мой!

Священник застыл на месте, а потом в удивлении обернулся. Его окликнул дрожащий женский голос, произнесший несколько слов на ирландском наречии. Монах был уверен, что ему послышалось. Но нет. В двух шагах от него стояла молодая женщина, скорее даже девушка. Волосы ее были по местному обычаю заплетены в косу, одеждой служили нижняя рубаха из льна и верхняя из толстой шерсти, с накидкой из черной овчины. Загрубелые руки и бедный наряд говорили о том, что это служанка. Рядом с ней на земле стояло ведро с водой и лежало некое приспособление, изогнутый кусок дерева – непонятно для чего. Второе ведро валялось опрокинутым, лужа растеклась к ее башмакам из простой некрашеной кожи.

Единственное, что отличало ее от прочих варварских женщин, был бронзовый крест ирландской работы на груди. И еще глаза, по цвету схожие со спелым желудем, не встречающиеся среди славов, смотрели на него с горячим волнением и надеждой.

– Это ты звала меня... дочь моя? – Отец Брендан еще раз скользнул глазами по кресту на ее груди.

– Да, отец мой.

– Ты говоришь по-ирландски?

– Я и есть ирландка, отец мой, я родом из Коннахта. Прощу тебя именем милосердного Бога, удели мне немного времени. Я хочу попросить тебя об исповеди. Вот уже третий год как я не исповедовалась, и это тем более обременяет меня, что до того, как попасть сюда, я была монахиней.

– Монахиней? – Брови отца Брендана уползли чуть ли не на середину тонзуры, унаследованной священниками Эринна от древних друидов, – по ней-то девушка сразу угадала в нем соотечественника.

– Да. С юных лет я была посвящена Богу и шесть лет прожила в монастыре Святой Бригиты в Уайне-Теллах. Более двух лет назад язычники-лохлинны¹⁵ разорили монастырь, часть

¹⁵ Лохлинны – название скандинавов в Ирландии.

монахинь убили, в том числе и нашу мать настоятельницу, а меня и многих моих сестер увезли и продали в рабство. Я попала в эту языческую страну и уже четвертый год живу здесь совершенно одна среди варваров... – Ее губы задрожали, на глазах показались слезы. – О отец, вы первый Божий человек, которого я вижу здесь за это время! Значит, Господь меня не оставил!

Слезы потекли по ее лицу; она вдруг упала на колени, схватила руку отца Брендана и припала к ней, как к долгожданному средству спасения.

– А ты думала, что Господь тебя оставил? – с ласковым укором ответил аббат. – Вот я уже вижу грех, который тебе нужно исповедать, дочь моя. Другие Христовы люди попадали в более затруднительное положение, но не впадали в отчаяние. Тем более в последние годы, когда Господь испытывает нас постоянными набегами лохлиннов, и многие поистине святые люди, мужи и жены, стали жертвами, будто агнцы на алтаре кровожадности варваров. Я не ожидал встретить здесь кого-то, кому понадобится моя помощь, но мы должны возблагодарить Господа за то, что он привел меня в этот город и тем помог тебе облегчить душу. Но я думаю, сейчас не подходящее для этого время. Вероятно, у тебя немало работы? – Он посмотрел на ведра с водой, одно полное, другое опрокинутое. – Ступай, а позже мы найдем случай поговорить. И встань скорее с колен, не то люди нас увидят.

– Но вы не уедете отсюда слишком скоро? – Девушка послушно поднялась.

– Думаю, мы останемся здесь до самой весны.

Ее лицо озарилось радостью, и священник отметил, что его собеседница весьма хороша собой.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что ты приходишь из знатного рода, – проницательно заметил он.

– Это так, святой отец, – просто ответила девушка.

– Лузикка! – заорал вдруг выскочивший из ближайшего дома подросток. – За смертью тебя посылать! Вода кончилась в Волхове, цыто ли?

– Меня зовут. – Девушка оглянулась.

– Ты живешь в этом доме?

– Да. Мой хозяин, Велем, – сын здешнего военного вождя.

– Это хорошо. Мы, как я понял, тоже найдем приют в доме военного вождя. Твой хозяин – тот, что нас привел? Дуброн... или как-то так.

– Нет, Доброня – старший его сын, а мой хозяин – средний. Его сейчас нет в Ладогe. Мне и правда нужно идти, святой отец. Но я непременно найду вас, как только буду свободна. Я так благодарна Господу, что он привел вас сюда!

Девушка схватила пустое ведро и побежала к берегу реки. Уже пройдя вслед за дружиной Хрёрека к двери предназначенного для них дома, отец Брендан обернулся. Бывшая монахиня шла к соседнему строению, неся два ведра воды на концах изогнутой деревяшки, перекинутой через плечо. Но и под этой ношей ее походка казалась летящей – так воодушевила и обрадовала ее эта встреча. Даже если он всего лишь облегчит ее душу от грехов, накопившихся за несколько лет жизни среди варваров, в стране, где нет ни одной церкви, это будет оправданием проделанного им далекого пути. А к тому же она может знать что-нибудь о...

Осененный новой мыслью, отец Брендан обернулся. Но девушки уже не было видно.

Как ее называли? Лусе... ка... Лусика? Какое-то варварское имя, наверное, совсем не то, которое она носила изначально.

Хрёрек тем временем устраивался со своими людьми на гостинном дворе, недавно освобожденном дружиной Вестмара, который успел отпраздновать новоселье. Дом оказался отличный: просторный, обжитой и чистый, скамьи в порядке, подгнившие доски пола в задней части заменены новыми, даже старая зола из печи вычищена. Такой же порядок царил и на гульбище, а также в сених, предназначенных для хранения привезенного и закупленного товара, но вот

туда данам пока было совершенно нечего положить. В теплое время они просто спали бы там, избегая тесноты, но зимние холода такой роскоши не позволяли.

– Здесь до вас один торговый со своими фелагами жил, – рассказывал Домагость, помогавший устраиваться и показывавший, где что. – Они тут и подконопатили что надо, и подправили. На днях только съехали, как построили себе свой дом.

– Признаться, и я бы не прочь построить для себя и своих людей дом, – ответил Хрёрек. – До весны мне уже не удастся уехать, и я не хотел бы обременять тебя.

– Это я сам решить не могу. – Домагость с сомнением покачал головой. – Надо людей собирать! Столы накрыть, дары поднести, чтобы уважение показать, поговорить, рассказать, кто ты есть, откуда и чего ищешь. Если людям понравится, тогда докончание скрепим. Ты проси, что нужно, а мы дадим, что сможем. Так у нас ведется.

– Я надеюсь, что родство с Оддом сыном Свейна послужит к моей пользе. Что же касается пира, то я готов оказать вашей округе и ее знатнейшим людям всяческое уважение. У меня нет с собой припасов, зато есть немного серебра. Я подарю тебе серебряную чашу ирландской работы, если ты позаботишься об устройстве пира.

На это Домагость согласился, и на свет явилась чаша. Была она не велика, но тонкой работы, с удивительными узорами в виде тройных свитеней с точкой-глазком посередине. Ложечка, которую Милорада кликнула, чтобы поручить вычистить подарок, вскрикнула при виде чаши, схватила ее и дрожащей рукой поднесла к глазам. Провела пальцами по завиткам узора, прижала к груди, засмеялась, а потом бросила на хозяйку взгляд, будто хотела спросить, откуда это чудо взялось, но не смела.

– Что, понравилось? – Милорада улыбнулась, заметив ее волнение. Ложечка всегда была так невозмутима, молчалива и нелюбопытна, что никто никогда не знал, что ей нравится, а что нет. За три с половиной года она выучилась хорошо понимать по-словенски, но сама говорила так мало, как только было возможно. – Да, работа хорошая, редкая. Варяжский князь отцу преподнес. Вычисти бережно, отцу на стол вечером поставим.

Ложечка ушла с чашей, а Милорада принялась готовиться к пиру. Скота у воеводы хватало, но хлеб они сами покупали, и теперь, при таком наплыве гостей, выходило, что припасов только до Ладиного дня хватит. Пройдет Корочун – надо будет по санному пути снаряжать обоз еще хлеба везти.

На следующий день отец Брендан заметил, что вчерашняя девушка стоит на берегу реки возле мыса. Никакого дела у нее явно не было, и он догадался, что она ждет его. Выглянув из дверей, он знаком пригласил ее зайти и провел на гульбище. Здесь было холодно, хотя и теплее, чем снаружи, зато никто из посторонних не мог их видеть.

– Теперь я готов уделить тебе время, дочь моя, – сказал он. – А когда мы закончим с исповедью, я, возможно, задам тебе несколько вопросов.

Но задавать вопросы ему почти не пришлось. Еще в начале исповеди девушка сказала ему все, что он хотел знать. Отец Брендан с удовольствием отпустил ей грехи, неизбежные при жизни среди варваров, и простился с ней со словами утешения:

– Ты убедишься, дочь моя, что Господь никогда не забывает о преданных ему. Уже в ближайшие дни ты услышишь вести, которые круто изменят твою судьбу, и, я надеюсь, к лучшему.

– О, спасибо тебе, святой отец! – Девушка смотрела на него светло-карими глазами, полными слез облегчения и благодарности.

Не верить ему она не могла – ведь священники и монахи Эринна были полноправными наследниками древних друидов, святые Эринна предсказывали будущее, а предсказывающий будущее под влиянием «озарения светом» тем самым его и создает. Именно поэтому все короли и знатные люди Эринна так ценят добрые пророчества и так опасаются дурных.

– Ступай, дочь моя, и да благословит тебя святой Колум Киле! – Отец Брендан отпустил ее и глядел ей вслед, улыбаясь и радуясь Господнему милосердию.

Он не был святым и не брал на себя так много, но этой деве он мог довольно точно предсказать судьбу. И он никому не рассказал об этом разговоре, предоставив делу идти своим чередом.

Через день Домагость созвал ладожских старейшин и прочих достойных мужей на гостиный двор, где варяжский князь Хрёрек устраивал для них пир. Народ собирался охотно: все уже знали, что прибыл знатный родич князя Ольга, которого здесь хорошо помнили. К тому же среди женщин пронесся слух, что молодой князь Акун приехал не просто так, а за невестой. Кивали тайком на Велемилу. Благодаря браку его средней дочери с киевским князем Домагость в последние годы считался первым среди ладожских нарочитых мужей, а к тому же со стороны матери Велемила принадлежала к старшему роду – Любошичам. Все это делало ее подходящей и выгодной невестой для любого князя, хоть словенского, хоть варяжского. Селянина «стая» обсуждала это с не меньшим жаром и увлечением, чем девки, но Стейн даже слушать не хотел. И какой тролль понес их всех в Валаборг? Не ездили бы, и сидел бы Хрёрек со своим сыночком там до самой весны, никто бы о них и не узнал. Авось бы за зиму их мертвецы съели!

Вестмар Лис, разумеется, тоже был приглашен на пир, поскольку сам заплатил за то, чтобы до весны считаться полноправным участником всех общинных трапез и жертвоприношений. Стейн сидел рядом с дядей. Женщин на пиру не было, но он настороженно прислушивался к разговору и ждал, не зайдет ли речь о Велемиле. Хрёрек провозгласил кубок за здоровье и благополучие всех жителей Альдейгы и призвал на них благословение богов; Домагость ответил призыванием всех благ на гостей, и братина пошла по кругу. Хрёреку пришлось заново рассказать о своем роде и обстоятельствах; Стейн про себя убедился, что со знатностью дела у Хрёрека обстояли гораздо лучше, чем с прочим. В прежние времена их род владел землями на Тюленьем острове, в Сканей, в Вестфольде, в Южной Ютландии и знаменитом вике Хейдабьюр, где сам Стейн уже два раза бывал с Вестмаром. Двоюродный дядя Хрёрека, тоже Хрёрек, сын Хальвдана, долго жил во Фрисландии, которой правил по поручению короля франков. Но после смерти Хрёрека сына Хальвдана король Карл отдал эти земли другому вождю, Годфреду, и наследникам прежнего графа Фрисландского пришлось искать себе иные владения. Свои взоры они обратили к Англии и Ирландии, богатства которых, а также почти полная незащищенность перед викингами уже сто лет привлекали туда искателей славы и добычи. И вот тут опять началось нечто, похожее на сагу о чудесных древних временах.

Двадцать лет назад был убит последний король Коннахта, Мугрон, сын Маэла Котайда. Вдова его, прекрасная королева Этне, стала женой убийцы, передав ему вместе со своей рукой права на власть, как это заведено в стране Эринн. Пять лет назад морская дружина викингов, в числе которых были Хрёрек с братом Хальвданом, захватила Коннахт, и королева Этне вновь овдовела. Теперь ее мужем стал Хальвдан, брат Хрёрека.

– Королева Этне уже немолода, – рассказывал Хрёрек при посредничестве Витошки, который служил толмачом и ради такого случая даже почти не «цокал». – Едва ли бог пошлет ей еще детей, а если пошлет, то это будет настоящее чудо. Все ее сыновья погибли в междоусобных распрях и в борьбе с викингами. После смерти ее и Хальвдана – а мой брат тоже далеко не молод, он старше меня на пятнадцать лет, – я и мои сыновья не сможем предъявлять права на его престол. Но королева Этне назвала условие, при котором мы можем получить ее наследство. У нее была единственная дочь, Дарфине, которая стала, Божьей волею, монахиней. Но несколько лет назад монастырь был разграблен, все сокровища похищены, а сами монахини пленены и увезены для продажи в рабство. Королева Этне, в великой горести по дочери, искала помощи у своего родича, верховного короля Ирландии Фланна Шинны. Но уже было поздно, похититель увез свою добычу за море. И после того она обратилась к нам, ко мне и моему брату Хальвдану. Она сказала, что если я сумею отыскать Дарфине, то она позволит ей стать женой моего сына Хакона. А поскольку Дарфине теперь единственная наследница королевы, то и мой сын, став ее мужем, делается по праву королем. Признаться, я не знал, как взяться за

эту задачу, поскольку след похитителя, Агнара конунга, затерялся на морях. Мы расспрашивали о нем в Хейдабьюре, где морские конунги обычно распродают свою добычу из Бретланда и Эринна. Никто ничего не знал о нем, и только один бродяга рассказал, будто слышал, что еще у берегов Фландра Агнара конунга разбил другой морской конунг, Игвальд сын Хали.

При этом имени по рядам сидящих пробежал гул.

– Да, я знаю, что в конце концов этот человек нашел свою смерть в земле Гардов и что доблестные воины Альдейгы нанесли ему сокрушительное поражение, – проявил осведомленность Хрёрек. – Но к тому времени, увы, при нем уже не было добычи из Эринна, потому что еще на Готланде, как мне сказали, он продал ее одному торговому человеку, Вестмару сыну Халльварда.

На этом месте один из сидящих за столом крикнул. Это был, несомненно, уроженец Северных Стран – рослый, худощавый мужчина лет под сорок, со светлыми волосами, заплетенными в косу, светлой бородкой, в лисьей безрукавке мехом наружу, с железной гривной на груди, украшенной двумя подвесками в виде молоточков, которые называются «торсхаммер» и которые так любят уроженцы земли свеев. Только в отличие от тех, что болтались на ней два года назад – железных, – нынешние «молоточки Тора» были отлиты из серебра.

– Об этом ты можешь узнать прямо сейчас. – Домагость широко усмехнулся и разгладил усы. – Вот он – Вестмар сын Халльварда, по прозвищу Лис.

– О боги! – Хрёрек воззрился на Вестмара с недоверием, которое постепенно переходило в пылкий восторг.

Вестмар даже смутился: не так уж он хорош собой, чтобы им восхищались заезжие датские конунги! За эти два дня они не раз проходили мимо друг друга, но, не будучи знакомы, не обращали на эти встречи внимания.

– Сами боги и Господь наш Христос помогают мне! – воскликнул Хрёрек. – Прошедшей зимой, в гостях у родичей моей жены в Халогаланде, я узнал от ее брата, Одда конунга, что он встречал Вестмара в Альдейгье. И хотя с той встречи прошло три с половиной года, я ни от кого на Готланде не слышал, чтобы Вестмар вернулся из Гардов. И руны указали мне на то, что нужно именно здесь продолжать поиски. И вот я приехал. И раз уж судьба так неожиданно свела нас, я прошу тебя, Вестмар, ответь мне на один вопрос.

– Могу даже на несколько, – великодушно отозвался Вестмар, усмехаясь. – Теперь уже зима, скоро йоль, у людей есть время сидеть у очага и вести беседы, мудрые и поучительные.

Стейн ухмылялся про себя. Хрёрек мог бы порадоваться еще там, в Валаборге, если бы только сказал, кого ищет. Стейн назвал ему свое имя и имя отца, но расспрашивать обо всех его родственных связях Хрёрек не имел причины. А иначе узнал бы, что уже сидит за столом с ближайшим родичем того самого Вестмара сына Халльварда, который ему нужен.

– Скажи, действительно ли ты три с половиной года назад купил у Игвальда сына Хали три десятка рабынь из Эринна?

– Это правда.

– И ты привез их сюда?

– Да, и это правда.

– А что с ними стало потом?

– Я повез их по Восточному Пути на Олкогу и там продал хазарским купцам.

– Не помнишь ли ты, кому была продана девушка по имени Дарфине дочь Мугрона?

– Боюсь, что я не знал по имени ни одной из них. – Вестмар покачал головой. – А если бы знал, то едва ли бы запомнил.

– Но ведь торговцы рабами всегда спрашивают о происхождении! – воскликнул Хрёрек, с мольбой глядя на него. – Ты же сам прекрасно знаешь, что если простая рабыня стоит марку серебра, то за знатную рабыню, дочь короля, можно получить три марки!

– Я об этом знаю. Но Иггвальд, у которого я купил этих женщин, ничего не мог мне сказать о них, кроме того, что они монахини. Ведь не он захватил их, а Агнар конунг. А расспросить того, как я понял, у Иггвальда не было случая. – Вестмар усмехнулся, живо вообразив себе тот «случай», что свел в море двух охотников до славы и добычи. – Да и не слишком я верю тому, что говорят о своих пленниках морские конунги. Если им верить, то королевских дочерей из Эринна вывозят сотнями. А я не имею привычки продавать кошку за куницу, даже если она тоже была при жизни черной!

– А сами эти женщины ничего не говорили о себе?

– А как бы я стал с ними разговаривать? Я не знаю ни их языка, ни латыни, и ни одна из них не показала, что понимает северную речь.

Хрёрек помолчал, обдумывая, какой бы еще вопрос задать и как бы помочь делу.

– Поезжай теперь на Олкогу! – посоветовал ему Домагость. – Там спросишь, куда тех девок продали.

– Придется мне весной последовать этому совету. – Хрёрек вздохнул. – Я непременно поеду, чтобы сделать все возможное. Но боюсь, что люди, живущие на Олкоге, еще менее способны понимать латынь или ирландский язык, и сам нынешний хозяин понятия не имеет о том, что владеет Дарфине дочерью Мугрона.

Он был совершенно прав.

Бам-м!!! Глиняный горшок с кашей, который внесла служанка, прижимая через ветошки к груди, вырвался у нее из рук и упал на пол. Толстостенный горшок не разбился, но каша потекла по полу, распространяя горячий пар. Но служанка не испугалась своей оплошности, а едва ли даже ее заметила. Застыв в изумлении, она смотрела на Хрёрека. Эта была девушка лет двадцати с небольшим, с недлинной косой темно-рыжего мягкого цвета, с тонким чертами лица и красиво изогнутыми рыжеватыми бровями, одетая как все здесь, если бы не одна мелочь – бронзовый крест ирландской работы поверх зеленовато-бурой рубахи из грубой шерсти.

Отец Брендан усмехнулся про себя. Он не шевельнул даже пальцем и не сказал никому ни слова, уверенный, что Господь сам все устроит, как надо.

– Ложечка, ты что? Спотыкнулась? – Милорада не поняла, почему ловкая и исполнительная челядинка застыла столбом. – Горшок подбери. Витошка, кликни псов, чтобы хоть каша не пропала.

– Ты назвал имя... – Вопреки всякому вероятию не обратив никакого внимания на слова хозяйки, девушка сделала несколько шагов в сторону Хрёрека. Что само по себе было удивительной дерзостью, ибо с какой стати рабыня смеет обращаться к конунгу?

И вот тут он тоже встал на ноги и в изумлении подался к ней. Служанка заговорила с ним на ирландском языке, которого в этой стране никто не мог знать.

– Ты понимаешь по-ирландски? – в изумлении воскликнул он.

– Спроси у этой девы, как она попала сюда, – предложил отец Брендан. – А также можешь спросить, как ее имя. Но еще вчера она сказала мне, что ее зовут Дарфине, дочь Мугрона, сына Маэла Котайда. Думается мне, что ехать на Олкогу тебе не понадобится.

Ладожане шептались: те слова, что были сказаны по-ирландски, никто здесь не понял, но можно было догадаться, что Домагостева челядинка ответила князю Хрюрику на самые важные его вопросы.

– О боги! – Хрёрек потрясенно развел руками. Лицо его сияло. – О милосердный Господь! Теперь я истинно вижу, что он не оставил нас. Сам Господь позаботился о том, чтобы мы смогли встретиться, поэтому дочь королевы Этне ждала нас здесь, на самом берегу Восточного моря. Ты действительно Дарфине, дочь Мугрона и Этне?

– Да, – почти неслышно ответила девушка.

– Но почему же ты сказал, что увез рабыню на Олкогу? – Хрёрек повернулся к Вестмару.

– Я помню! – подал голос Стейн. – Я могу сказать, как это вышло.

Глаза всего дома обратились к нему, но он заметил только восхищенный, горящий любопытством взор Велемилы, стоявшей у дверей. Взглядом попросив у дяди позволения говорить, Стейн охотно продолжал:

– Когда мы в тот раз приехали в Альдейгью, одна из рабынь тяжело заболела. Она истекала кровью, и мы думали, что она вот-вот умрет. А у нашего фелага Фасти Лысого треснула ложка, и ему было нечем есть. Он увидел на поясе у одного человека хорошую новую ложку и захотел ее купить. Он только не знал, что дать взамен. И предложил умирающую рабыню. Она не стоила больше, потому что от нее уже нельзя было ждать совершенно никакой пользы. Но сын Домагостя хёвдинга согласился на обмен и забрал рабыню. Мы еще поспорили с моим братом Свейном, что был тогда со мной, выживет она или нет. Я выиграл. – Стейн смущенно улыбнулся и опустил глаза, поскольку проигравший ему брат уже давно, с тех самых пор, был мертв. Свейн мертв, а рабыня, на смерть которой он поставил серебряную пуговицу против ножа, до сих пор жива и стоит здесь сейчас... – Когда мы уезжали, рабыня была уже здорова и могла ходить. Я не сразу узнал ее, – он посмотрел на Ложечку, – потому что тогда у нее было на голове покрывало, а теперь ее волосы отросли и она выглядит немного иначе. К тому же сейчас у нее вид гораздо более цветущий и здоровый. Но я все вспомнил, когда об этом зашел разговор. Мой брат Свейн погиб в битве с Игтвальдом, а Фасти Лысый умер в ту зиму на Олкоге, но я могу поискать свидетелей среди наших людей. Сам я уверен, что все помню точно. Ведь я сказал правду? – мягко обратился он к самой девушке.

– Да. – Она опустила глаза.

– Да и мы подтвердить можем, – подал голос Домагость. – Велема нет, но и я, и мать, и Доброня, все скажем – так и было. Эту девку Велем у Вестмаровых товарищей на липовую ложку выменял, а мать ее в'ыходила. В тот самый год, как Игтвальд явился и я второго сына в той же битве потерял.

– В таком случае мы не можем больше сомневаться! – Хрёрек расцвел. – Да и если бы здесь оказалась еще какая-то ирландка, это было бы не иначе как чудо! Но и так я вижу истинное чудо в нашей встрече!

– Не требуй от Господа слишком много, когда довольно малого! – Отец Брендан улыбнулся. – Это не чудо – милосердный промысел Господень.

Опомнившись, народ загудел и загомонил.

– Я привез достойный выкуп и надеюсь, что ты не откажешься передать мне эту девушку, – перекрикивая шум, взывал Хрёрек к Домагостю. – Всем известно, что за молодую женщину королевского происхождения платят три марки серебра, и я готов выдать их тебе, когда ты пожелаешь.

– Не могу! – Домагость развел руками. – Девка не моя. Сын мой Велемысл ею владеет, она в его доме живет, его жене служит, сейчас только невестка ее моей жене одолжила, чтоб на пиру помогать. Я без него не могу его добром торговать.

– А когда твой сын вернется?

– Я сам бы хотел знать. Но теперь до весны уже ждать нечего.

– Может быть, поговорим с его женой? – предложил Хакон, которому не хотелось до самой весны мучиться неизвестностью.

Вот ведь она, невеста и наследница власти, только руку протяни, но неизвестно еще, дотянешься ли? Пока она принадлежит сыну Домагостя, тот сам, при желании, сможет стать королем Коннахта! Ведь теперь его семья знает, чем владеет!

– Поговорить-то можно, но не думаю, чтобы Вышеславна без мужнина разрешения стала челядь из дома продавать.

– Ступай покуда, – Милорада отпустила Ложечку, и та торопливо вышла. Наверное, пойдет на свое любимое место и будет долго стоять на коленях, шепча неслышные слова и глядя в небо.

Дело пока не решилось окончательно, но слухи тут же разнеслись по Ладогe, и все принялись напряженно припоминать, что им известно о Домагостевой челядинке по прозвищу Ложечка. А больше всех остался доволен Стейн. Он был рад, что помог делу так удачно разъясниться, хотя, конечно, по зрелому размышлению Домагость с домочадцами все бы вспомнили и без него. Но больше всего его радовало другое. Хакон приехал свататься вовсе не к Велемиле!

Довольные любопытными новостями и обильным пиром, ладожские старейшины охотно дали Хрёреку и его сыну Хакону позволение остаться вместе с дружиной до весны и построить себе дом. Вестмар к тому времени уже переехал в новое жилище – просторное, из двух срубов, где размещались все сорок человек его дружины, с клетями для хранения товаров и припасов. И вот на соседнем пустыре тоже застучали топоры. Весь берег Ладожки был завален свежей сосновой щепой, бурыми ошметками коры, клочками длинноволосого мха, сучками и прочим древесным мусором. Зная, что из гостиного дома его вот-вот попросят, Хрёрек торопился и даже позвал на помощь людей Вестмара: те только что закончили строить собственный дом и еще помнили, как это делается. Домагость иногда прохаживался вдоль речки, наблюдая за работами, и усмехался. Этак скоро все старые пустыри застроятся, и Ладога станет так же многолюдна, как при свеях, будь они неладны. Но только теперь хозяева у этого места другие и жизнь пойдет совсем другая!

По вечерам воевода приглашал Хрёрека с сыном к себе – выпить пива, поговорить о разных странах. Хрёрек принимал приглашения очень охотно. Создавалось впечатление, что он не сильно огорчен необходимостью дожидаться Велема, хозяина Ложечки-Дарфине, до самой весны. Непохоже, чтобы он куда-нибудь торопился. Его брат жил в Ирландии, жена с младшим сыном – в Халогаланде, но он сам, как понял Домагость, не мог назвать себя правителем хоть какого-нибудь клочка земли. При его высоком происхождении жить на хлебах у брата или тестя было стыдно, и, должно быть, поэтому он всю жизнь бродил по морям в поисках счастливой доли. Домагостью и прочим старейшинам нравилось с ним беседовать: Хрёрек был человеком зрелого ума, опытным, предприимчивым. Чудины уже начали понемногу подвозить меха осенней добычи, и Хрёрек не упускал случая пойти вместе с Домагостем, когда тот рассматривал товар и расплачивался. Вестмар тоже сопровождал их, но Домагость, как глава округа, обладал первым правом на покупку, а Вестмару оставалось дожидаться товара, от которого откажутся старейшины, или самому идти на лов. Зато он оказывался полезен как советчик: в качестве и разновидностях мехов Домагость разбирался и сам, зато Вестмар лучше знал, какие меха сейчас на Олкоге пользуются наибольшим спросом.

У Хрёрека, похоже, не было лишнего серебра, и кормил он свою дружину только тем, что каждый день снаряжал кого-то на охоту. Иногда они обменивали несколько шкур на овощи, зерно или кусок ткани на рубаху, и тем их участие в торговых делах пока и ограничивалось. Тем не менее Хрёрек очень оживленно расспрашивал, сколько людей живет в окрестных лесах и вдоль рек, много ли они добывают мехов и куда эти меха продают.

– Здесь еще что! – рассказывал ему Домагость. – Здешние чудины умные, знают, что почем. А те, что в лесу живут, с теми не такой торг идет. За железный нож шесть куниц дают, за железный котел – сколько шкурок в него влезет. И сами все от мала до велика в куньих шубах ходят и лыжи куницей подбивают. А что им – сотни две ловец за зиму добудет, а иные и больше. Куда еще девать? У нас тут нож стоит одну куну, в лесу – шесть, сам посчитай. К булгарам везти – там уже не та цена, а в Багдаде и вовсе. Ну, так далеко наши не забираются, нам и здесь хорошо.

– А у вас есть договора с теми людьми, с которыми вы торгуете?

– Да, есть договора: они свободно к нам приезжают и своим товаром торгуют, и мы свободно к ним приезжаем, и никто никому обид не чинит, а если выйдет спор – разбирать на суде наших старейшин и чудских.

– Бывают споры?

– Как не бывать? Но нам свои чудины помогают. У меня была жена первая, она уже умерла, из хорошего чудского рода. У моего сына Добронегга жена – чудинка, тоже хорошего рода. У нас у многих так. Свои чудины и товар хороший привезут, и не обманут, и в лесу помогут, и на суде слово скажут. Даже когда с Иггвальдом воевали, и то Канерва с братией приезжал помогать, а чудины стрелы мечут страсть как ловко!

– Но есть ведь люди, с которыми у вас нет договоров?

– Конечно, есть. Там, за Сясь-рекой, – Домагость кивнул на восточный берег Волхова, – еще много рек в Нево-озеро впадает, и везде чудь живет.

– Туда есть какие-то дороги?

– По воде если – из Нево-озера, а по суше можно пробраться, особенно зимой, как все замерзнет. Но это я сам плохо знаю, из чуди проводников надо брать.

– И ты смог бы найти проводников?

– Вестимо. Если Канерва сам пути не ведает, то присоветует, кто знает. А тебе зачем? Торговать хочешь? За торговлю ты нам выкуп не давал.

– Я дам выкуп за все, за что положено. – Хрёрек улыбнулся. – Но разве вам никогда не приходило в голову, что не обязательно давать что-то финнам в обмен на их меха?

– Войной то есть идти? – Домагость не так чтобы удивился, но слегка озадачился. – Мирное-то докончание у нас мало с кем, больше немирье, так что можно и повоевать бы... Не знаю. Думать надо, с людьми говорить. Война дело такое – начать один дурак может, а как закончить – и десять умных не придумают.

Хрёрек двинул бровями. Его опыт мало говорил о прекращении войн: викинги имели привычку налетать на народы, неосторожно живущие возле морей, грабить, захватывать пленных и уходить. Или их убивали, если они вдруг переоценивали свои силы и натыкались на мощное и управляемое сопротивление. Они умели вести мирные переговоры о сумме выкупа за то, чтобы не грабить и не разорять страну. Но прочный мир был им не нужен, потому что их собственная земля всегда оставалась вне досягаемости для обиженных. Здесь же все было иначе.

Однако эти мысли он не оставил и еще не раз заводил подобный разговор с Домагостем и Вестмаром, который тоже хорошо понимал возможные выгоды этого дела. Домагость рассказал о его намеках Святобору и своим родичам: брату жены Рановиду и ее свояку Вологору, Братомеровичам и братьям Хотонегу с Воинегом. Ладожане знали, что на реках Сяси, Паше, Ояти, Капше и других живет много чуди, которая почти не общалась со словенами и лишь изредка приезжала в Вал-город, пока он еще стоял, менять меха на железные изделия, медь и бронзу, хорошие ткани или зерно. Чудь и сама жила подсекой, растила ячмень и лен, но в этой земле часты неурожаи. Зато дичи там в изобилии. Бобры, куницы, лисы, веверицы, горностаи, медведи, выдры, барсуки, лоси и олени – всего не перечесать. Во времена свейского владычества их дружины не раз ходили по чудским рекам из Нево-озера, грабили, увозили в полон. Сменившие свеев ладожские старейшины были заняты более защитой собственных домов, поэтому в отношениях с чудью ограничивались торговлей. Но теперь, когда в Ладоге оказалось две зимующие варяжские дружины, готовые к действию, старейшины призадумались. У Вестмара было сорок человек, у Хрёрека – всего двадцать, но зато именно он предложил способ действия, жаждал этого похода и был уверен в успехе.

– Смотри, Домагость! – говорил он. – Я знаю, как нужно захватить эти богатства. Ты дашь еще людей и найдешь проводников, а Вестмар знает, как лучше продать нашу добычу, чтобы все это было выгодно для всех. Тем более ты говоришь, что можешь отправлять меха на продажу в Кенугард, где их можно обменять на греческое золото и драгоценные ткани. Так зачем сидеть и ждать, пока товар придет сюда? У нас с Вестмаром шесть десятков человек, но ты можешь собрать вдвое или втрое больше. И добычу мы поделим сообразно численности

дружин. Тебе это даже более выгодно, чем мне или ему. Но если ты не хочешь, то я предложу это твоим знатным родичам, которые скоро сюда приедут.

– Вот этого не вздумай! – Домагость нахмурился. – Еще не хватало – с Вышенькой кунами делиться! Да ему только дай – с руками оторвет, прорва жадная!

– А еще, ты говорил, приедет конунг Плескова. Это большая удача, ведь между Альдейгей и Плесковым живет народ карьяла, и мы попросим его участвовать в нашем походе туда!

– Не много ли сразу? – возразил Рановид, или вуй Ранята. – И за закат, и на восход – на две стороны воевать нам ни к чему. Одно что-нибудь. Зачем нам Плесков? И сами справимся. Зимой мужикам делать нечего, по хозяйству возиться и баб хватит. Сто человек наберем, с вашими полтора ста будет. На чужь сходить достанет.

Об этом говорили несколько раз, и хотя Домагость не давал прямого согласия, он все же снарядил Витошку за Канервой и Кохталой – старейшинами чудской родни покойной Кевы и Никани, Доброниной жены, приглашать на имянаречение внука. С нарекаемым чудины в прямом родстве не состояли и могли бы не ездить, но Домагость решил на всякий случай закинуть им мысль о походе и послушать, что они скажут. Без их помощи все равно ничего не выйдет.

Но вскоре мысли о походе пришлось отложить – пожаловали родичи из Словенска. Приехали они на санях по берегу, надеясь вернуться уже по льду застывшего Волхова. Старейшина Вышеслав, первый среди словенских нарочитых мужей Ильмерского Поозёрья, привез с собой всю семью: жен, сыновей с женами, дочерей. Праздник был женский – его дочь, Велемова жена Остролада, четыре месяца назад родила сына. Ждать возвращения отца пришлось бы слишком долго, и было назначено имянаречение младенца. Это было большое событие для Волхова и Ильмеря. И Домагость, и Вышеслав являлись правнуками последнего словенского князя Гостивита: тот со своими сыновьями погиб в сражениях с русью, уцелели только дочери, к тому времени розданные замуж в другие места. Дети нынешних старейшин состояли между собой в восьмой степени родства, что сделало возможным брак между ними, заново скрепивший союз двух знатнейших родов. В свое время свадьба Велема и Остролады занимала все умы: если бы не она, то, возможно, два правнука князя Гостивита передрались бы между собой, пытаясь решить, кто же из них более достоин быть избранным новым князем волховских словен и ильмерских поозёр. Со времен Витонег и Мирослава, внуков Гостивита, между ветвями рода не затихала борьба. Теперь, когда вопреки усилиям Вышеслава Домагость стал тестем киевского князя и разбогател, Вышеслав несколько притих и изображал любящего родича, чтобы не лишиться выгод этого союза. Но Домагость не доверял ему и ждал подвоха. Он не сомневался, что Вышеслав с радостью согласится собрать войско на берегах Ильмеря, а развязанную войну с чужью попытается использовать для ослабления, а то и вовсе истребления ладожских соперников. Поэтому он еще раз строго предупредил варягов и родичей, чтобы во время праздника ни словом не упоминали об этих замыслах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.